

РОВЕСНИК

7'92
ИЮЛЬ

О ГОРДОСТИ «НАОБОРОТ». В пятидесятые-шестидесятые годы движение чернокожих американцев за равные с белыми права шло под лозунгом «Скажи во весь голос: я черен и горд». И движение это достигло больших успехов — сейчас ни один представитель чиновной администрации и ни один работодатель не посмеет в открытую воспротивиться приему темнокожего американца на работу или продвижению его по службе: это чревато преследованием по суду за «расистские настроения» (хотя скрытый расизм, конечно, еще существует). Но молодые темнокожие американцы вынуждены теперь сражаться еще с одним предрассудком — предрассудком братьев и сестер по расе, которые полагают, что, если ты хочешь получить образование и хорошую работу, ты «превращаешься в белого». Занетта Блейлок (вы ее видите на снимке) мечтает стать врачом, однако ровесники из трущобного района отбирают учебники у девочки и даже поколачивают ее — «чтоб не высывалась». Бедность и убожество — заразная болезнь...

ЕСЛИ СОБАКЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ХОТЬ ПО РАЗУ ГОВОРИТЬ, ЧТО ОНА КРАСАВИЦА, она и будет чувствовать себя красавицей. Как вот эти две псыны американского фотографа и художника Уильяма Вегмана — одна позировала хозяину, изображая «Лолиту» (набоковскую, естественно), вторая — «Даму, одетую к балу». У псин просто дух захватывало от собственной прекрасности... А что, если людям хоть по разу в день говорить: «Ты моя красавица! (красавец!)»??

СПАТЬ ХОЧЕТСЯ... Еще совсем недавно шестилетний житель Тибета Данценг Кужи Самбу помогал отцу пасти скот и наслаждался вольной жизнью... Но тут монахи из ближайшего монастыря признали в нем очередную реинкарнацию (превращение) своего настоятеля, и наступили для маленького пастушка тяжелые дни духовного пастыря. Тяжела ты, жизнь духовная!

ТАНЦУЕМ РЭП? Каждый, кто думает, что можно стать рэппером, повторяя показанные на этом рисунке движения, глубоко ошибается. Каждый, кто думает, что музыка в стиле хип-хоп или рэп вполне доступна тому, кто, хорошенько послушавшись, усвоит ее основные приемы, тоже глубоко не прав. Потому что рэп — это прежде всего словесная культура, не зря все знаменитые американские исполнители этого «пришедшего с улицы» стиля имеют университетское образование. Именно виртуозная игра со словом и создает ту особую привлекательность, в результате которой «на сторону» рэпа перешли даже преподаватели литературы: в некоторых колледжах введена специальная дисциплина «Культура рэпа». И, как утверждают те же исполнители, без знаний литературы и быстро изменяющегося разговорного языка, — причем, знаний не «уличных», а облагороженных осмыслением этого языка, — ничего не получится.

Так что не начитавшись вдосталь — не рэпайтесь!

ДЕЛО — ТРУБА. Ученые все еще спорят, что страшнее для человечества — атомные электростанции или нехватка энергии. Опасаясь демонстраций противников атомной энергетики, власти города Кру (Франция) заказали «натрубную картину», дающую «позитивное представление о действительности». Для лакировки действительности художнику потребовалось 16 тонн краски.

В НОМЕРЕ:

С. Навтарадзе. КАКИЕ ДЕВУШКИ ВАМ ПРА- ВЯТСЯ?	4
РЭМБЭБИ	5
Жан Ко. МАНЬЯК-УБИЙЦА	6
Питер Плейдженс. ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ СТРАХ	8
Билли Уорден. ПРЕДЕЛЫ ОТКРОВЕННОСТИ	9
Линда Эдварс. САМУРАИ-ХЭНКЕРЫ	10
Юрг Альтвегг. ПУТЬ К УСПЕХУ	12
МУЗЫКАЛЬНЫЙ АНТРАКТ	15
РОК-ЭНЦИКЛОПЕДИЯ «РОВЕСНИКА»	17
Майкл Гилмор. НАСЛЕДИЕ ДЖИМА МОРРИ- СОНА И «THE DOORS»	19
ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...	22
Марк Эдмондз. ЖИРТРЕСТ	24
Алис Марбл. Я — ШПИОНКА	30
ВИДЕОКЛУБ	31

РОВЕСНИК 7'92

МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Учредители:
Журналистский коллектив редакции
АО «Молодая гвардия»

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГО-
ЛЯКОВ, С. В. ЖУРАВЛЕВ, С. А. НАВТАРАДЗЕ (ответствен-
ный секретарь), С. В. КОЗИЦКИЙ, В. Б. МИЛЮТЕНКО,
В. П. МОШНЯГА, Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г.
СИМОНОВ, И. А. ЧЕРНЫШКОВ (зам. главного редак-
тора)

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитров-
ская ул., 5а. Телефоны: 285-89-20 — для справок, 285-80-
62 — отдел писем. Перепечатка материалов разреша-
ется только со ссылкой на ежемесячник. Сдано в набор
26.05.92. Подписано в печ. 04.06.92. Формат 84x108/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная, № 2. Усл. печ. л. 3,36.
Усл.-пр. отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,3. Зак. 2045.

Ордена Трудового Красного Знамени акционерное об-
щество «Молодая гвардия». Адрес АО: 103030, Москва,
К-30, ГСП-4, Суцеская ул., 21.

На первой странице обложки: легко ли быть
толстым? Материал о том, как американские под-
ростки пытаются избавиться от лишнего веса, чи-
тайте на 24-й странице.
Фото из журнала «Обзервер»

С 1 августа начина-
ется подписка на
«Ровесник» на пер-
вое полугодие 1993
года.

Цену Вы узнаете на
почте.

Срочи подписки мо-
гут быть сокращены
Торопитесь!

«Ровесник» пригла-
шает к сотрудниче-
ству оптовых рас-
пространителей
печати в Москве и
других городах. Те-
лефон в Москве —
285-88-44.

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ИВ _____ место _____ ав-тер _____ на газету журнал **7078I**
(индекс издания)

РОВЕСНИК
(наименование издания)

Стои- мость	подписки	_____ руб. _____ коп.	Количество комплек- тов:
	пере- адресовки	_____ руб. _____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

КАКИЕ ДЕВУШКИ ВАМ НРАВЯТСЯ?

«**П**ривлекательная внешность для меня далеко не все, но и она не помещает,— так отвечает на этот вопрос Вольфганг и тем самым высказывает мнение многих своих сверстников. — Ну, она должна быть хорошенькой, но это должна быть природная красота, идущая изнутри. Такая девушка, чтобы была и в стиле «диско», но и такая, чтобы оставалась хорошенькой и утром, выбираясь заспанной из постели». Очень красивые девушки, оказывается, не всегда пользуются успехом у мальчишек: «Они быстро могут наскучить», «Они много о себе воображают».

За этими высказываниями наверняка скрывается страх получить «отворот поворот» от очень красивых, ко-

торые могут выбрать себе любого парня. «Красивая внешность не всегда меня привлекает»,— говорит Томас. Он, например, совершенно не воспринимает девушек, которые слишком озабочены собственной внешностью и постоянно носят со своими туго набитыми «косметичками». По его мнению, девушка должна иметь чувство собственного достоинства, быть ухоженной и аккуратной, одеваться с выдумкой и фантазией, не должна быть неряшливой и, Боже сохрани, опаздывать на каждое свидание из-за того, что долго красилась.

Ребятам нравится, если симпатичная девушка берет инициативу в свои руки и показывает, что она пребывает в хорошем настроении и открыта для знакомства. «Если девушка мне приветливо улыбается, я сразу понимаю,

что я ей немножко нравлюсь, и тогда у меня сразу находятся нужные слова, чтобы с ней познакомиться,— продолжает Томас.— К сожалению, девушки часто не понимают, что мы тоже стесняемся и не знаем, как к ним подойти и какой будет их реакция».

Нередко мнение о девушке зависит и от вкусов и мнений приятелей. Но чем старше мальчишки и чем больше их уверенность в себе, тем более независимыми они становятся в своем выборе, тем реже обращаются за советом к друзьям. Тем же, кто помладше, непременно нужно, чтобы их выбор был одобрен друзьями, когда они начинают встречаться с девушками, потому что нет для них ничего более обидного, когда над ним и его избранницей начнет потешаться вся компания.

Но даже очаровательная девушка может разочаровать парня при первой же встрече, если обнаружится, что она не имеет собственного мнения или задает какие-нибудь глупые вопросы. Маркус, к сожалению, прошел через это: «Она сразу же начала спрашивать, кто мои родители и какая у них машина, и перечислять своих поклонников, с которыми ходила по кабакам. И мне вдруг стало просто противно разговаривать с такой дурой. Я повернулся и ушел. Мне больше понравилась ее полная противоположность. На теперешнюю мою подругу я почти не обратил внимания при первой встрече. Я просто заметил, что она хорошенькая, и все. Скажу даже больше: мы почему-то отнеслись друг к другу вначале просто враждебно. А потом я почувствовал, как легко мне с ней общаться. Она умела выслушать меня, ее интересовали мои дела. Теперь она мне кажется той самой девушкой, о которой я мечтал».

Любовь делает людей красивыми — это старая истина, но тут у мальчишек, нашедших «девушку своей мечты», иногда появляются и искорки ревности. «С одной стороны, меня бесит, когда другие парни заглядываются на мою девушку или пытаются познакомиться с ней, а с другой — мне приятно, что она нравится моим друзьям и пользуется у них успехом».

Значит, вот что нравится в девушках и что делает их привлекательными в глазах мальчишек: жизнерадостность, открытый взгляд, фантазия и чувство юмора. «Ты сразу это чувствуешь, когда встречаешь то, что тебе нужно,— говорит Вольфганг.— Пара сияющих глаз для меня гораздо важнее, чем стройная фигура».

А что не нравится в девушках? «Они могут быть очень красивыми, но перестают сразу же существовать для меня, как только начинают глупо хихикать или задаваться и изображать из себя что-то»,— заключает Маркус.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементах должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементах проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

По материалам журнала «Браво»
С. КАВТАРАДЗЕ

РЭМБЭБИ

Интервью Сильвестра СТАЛЛОНЕ

французскому

журналисту Дани ЖЮНО

— Я знаю, вы интеллигентны. Вы увлечены живописью. Вы пишете книги. Вы цените искусство, знаете музыку. Тем не менее большинство людей упрямо считают вас необразованным «физкультурником», который с трудом может связать пару слов...

— Я тысячу раз слышал фразу: «О, вы совсем не такой, каким я вас представлял!» Слышать это обидно, я человек себя уважающий и самолюбивый. Разумеется, я не против того, чтобы надо мной посмеивались, но когда говорят, что ты человек дикий, это звучит как оскорбление.

— Вы думали о том, чтобы оставить кино и целиком посвятить себя писанию книг, ведь вы много пишете?

— Я думал об этом. Когда я пишу, я открываю людям себя всего, всю свою душу, сердце. И это делает меня очень уязвимым. Актер защищен тем, что говорит текст, написанный кем-то другим. А когда пишешь сам, честно говоря, испытываешь настоящий страх. Страх оказаться не на высоте...

— Неужели вам ведом страх?

— Как и любому человеку. Когда мне страшно, я иду напролом. Иногда терплю поражение. Но чаще все-таки побеждаю. Физически я никого не боюсь. Физический страх всегда можно преодолеть. Самый изматывающий страх — тот, который в душе, он парализует человека. Я долгое время был уверен, что все вокруг хотят друг другу добра, и мне в том числе. Какой же я был наивный! Теперь я научился быть циничным и осторожным. Больше всего я боюсь людей, которые имеют над тобой власть, потому что знают то, чего бы ты не хотел, чтобы они знали. У каждого человека есть тайны. Те, кто шантажирует людей знанием этих тайн, не просто преступники, они — похитители душ.

— Из того, чего вы добились в жизни, чем вы больше всего гордитесь?

— Тем, что смог использовать кинематограф для того, чтобы убедить людей пытаться превзойти самих себя, достичь того, о чем они только робко мечтали. Так что, может быть, это мое достижение меня переживет.

— Вы верите в потусторонний мир, в перевоплощение душ?

— Да, я хотел бы вернуться в этот мир в облике вороны. Точнее говоря, ворона. Хотелось бы прилететь в чистое поле и оттуда спокойно посмотреть на жизнь. Ворона — существо внешне несимпатичное, но мудрое. И загадочное. Мне нравится в этой птице то, что ее невозможно поймать.

— Вам нравится чувствовать себя знаменитым?

— В душе я всегда останусь парнем с улицы, который, увы, теперь уже не может спокойно выйти из дома. Каждый мой шаг теперь предмет обсуждений, оценок. В этом мире за взлетом обязательно должно следовать падение. Меня это угнетает.

— Вы могли бы сегодня жить без той славы, которая у вас есть?

— Слава что наркотик. Чем больше ее у тебя, тем больше ее хочется, и так до тех пор, пока это пристрастие не сделает вас абсолютно больным. Но остановиться уже невозможно. Если остановиться, останется только страх перед тем, что вас забывают. Когда человек попадает в киномир, он хочет, чтобы его любили всегда и все. Именно поэтому, скажем, актеры не могут ужиться в одной семье. Вдвоем разглядывать себя в одном зеркале нельзя.

— Вы часто говорите, что актеры умирают дважды...

— Жизнь артиста отдана тому, чтобы что-то создавать. Когда эго перестают приглашать на съемки, умирает его душа. И это первая его смерть, после которой очень скоро приходит и вторая, физическая. Актеры — люди очень хрупкие. Они живут на пределе возможного, пытаюсь выйти за рамки отпущенных им способностей, а за эти муки им часто достается унижение.

— Вы богаты, знамениты, авторитетны. Чего вам не хватает?

— Я хотел бы однажды забыть, кто я, и увидеть себя на экране. И еще я хотел бы умереть со словами: «Мое тело, мою кровь, мою душу, все, что во мне было хорошего и плохого, все — я отдал».

— Вы уже четыре года живете с девушкой по имени Дженифер.

Не собираетесь ли вы жениться?

— Нет, я не хочу вновь становиться «женатым человеком». Но никогда не нужно говорить женщине «никогда», потому что это как раз лучший способ заставить ее задать тот самый вопрос, на который вы не знаете ответа.

— Почему вы так осторожны?

— Потому что мой развод с Бриджитт Нильсен был худшим, что у меня было в жизни. Я был унижен. Мы не должны были жениться, тогда бы мы могли жить в любви.

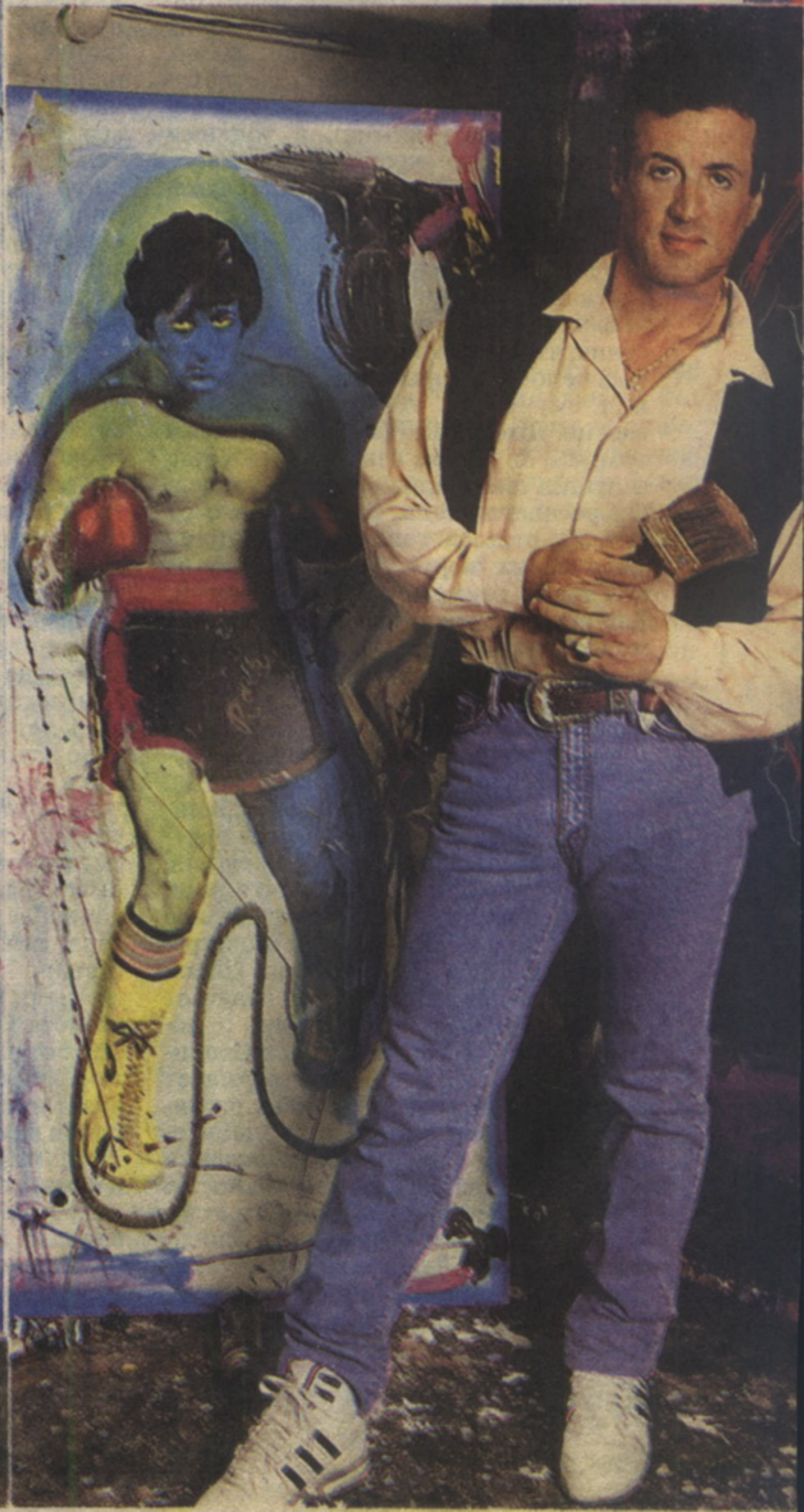
— Вы уже задавали себе вопрос, что бы вы делали, если бы не кино?..

— Я бы скорее пустил себе пулю в лоб, чем стал каким-нибудь клерком. Наверное, я бы пошел работать с животными, с ними чувствуешь себя свободным человеком. Когда молодые люди спрашивают меня, что делать, чтобы чего-то добиться в жизни, я всегда советую им найти работу, которую они согласились бы делать даже без денег. Чтобы она доставляла удовольствие. Если делать что-то только ради денег, то ничего стоящего сделать не удастся. Нужно страстно любить то, что делаешь. Каждое утро просыпаться с радостью от того, что вновь имеешь возможность делать то, что любишь. И еще нужно думать, жить и действовать так, как будто мы все еще не стали взрослыми.

— А вы чувствуете себя по-прежнему ребенком?

— О, да. Я и есть настоящий ребенок. Рэмбэби.

Перевел с французского С. ВИКТОРОВ

МАНЬЯК-УБИЙЦА

Из семидесяти четырех человек, опрошенных прокурором и адвокатом обвиняемого, в суд присяжных были отобраны двенадцать. У этих людей спрашивали, нет ли у них предубеждений против гомосексуализма (Боже упаси!), смотрели они когда-нибудь фильмы ужасов (да, в этом нет ничего плохого) и смогут ли они на протяжении трех недель выслушивать повествование о чудовищных злодеяниях и не просить освободить их от исполнения обязанности присяжных.

Теперь — об обвиняемом. В своей камере в тюрьме города Милуоки он получает посылки, письма, одежду, признания в любви. У него нет телевизора, но он читает журналы и Библию, которую ему присылают целыми тоннами. У охранников с ним никаких хлопот. Его зовут Джеффри Дамер. Ему 31 год. Этот белокожий светловолосый человек, сын разведенных родителей (отец — химик), с тонкими чертами лица, кротким взглядом, внешне спокойный, работал служащим на шоколадной фабрике. Сейчас он сидит за плексигласовой перегородкой, отделяющей его от присутствующих, словно он заражен ужасной инфекционной болезнью, или из опасения, чтобы какой-нибудь возмущенный человек в порыве мести не причинил ему вреда. А это вполне возможно. Джеффри Дамер обвиняется в том, что он завлек, изнасиловал, убил, задушил семнадцать молодых людей. Он расчленил тела, отделял мясо от костей, отрезал головы, варил и ел мясо своих жертв. Большинство из них были темнокожими и метисами. Как вы, вероятно, догадываетесь, эти молодые люди не принадлежали к сливкам общества, то есть не были людьми, завтракающими в Нью-Йорке, а обедающими в Париже и имеющими дома с собственным бассейном и площадкой для гольфа. Да, это были безработные, гомосексуалисты, бродяги, ищущие, где бы перехватить пару долларов, но это вовсе не означает, что они заслужили, чтобы их окорока варили, а головы хранили в холодильнике. Но увы! Им повстречался Джеффри Дамер, «serial killer», что в переводе с английского означает «маньяк-убийца». Категория, довольно часто встречающаяся в Соединенных Штатах, ведь, как утверждает полиция, в настоящий момент насчитывается более пятидесяти любителей подобного времяпрепровождения в самом расцвете своей деятельности. Однако существует некоторое различие между «crazy» — просто сумасшедшим и «serial killer» — маньяком-убийцей. Это два разных подвида. На сумасшедшего в один прекрасный день

Жан КО,
французский
журналист

что-то находит, и он ни с того ни с сего начинает крошить ни в чем не повинных людей. Его арестовывают и о нем забывают. Он больше не интересен. Маньяк-убийца, напротив, действует на протяжении месяцев, а то и лет, прежде чем его арестуют — если, конечно, его удастся арестовать. Это терпеливый, хитрый, полностью свихнувшийся и совершенно извращенный тип. Если «crazy» — безумец, «serial killer» — чудовище. Как Дамер. Впрочем, и в этой категории — жесткая конкуренция, есть свои рекордсмены. Если судить по количеству совершенных Дамером преступлений, то он — скромный перворазрядник. Дон Эванс, бродяга 34 лет, арестованный в 1991 году, сознался в шестидесяти убийствах. Вейн Вильямс отправил на тот свет около тридцати темнокожих детей (слава Богу, он тоже был темнокожим, а если бы он был белым...). Генри Ли Лукас начал с того, что уничтожил собственную мать, за что был приговорен к сорока годам тюремного заключения, из которых отсидел только пятнадцать, и, выйдя на свободу, со своим другом-гомосексуалистом Отисом Тулом восемь лет подряд мочил направо и налево женщин и мужчин. Лукас сознался в шестистах убийствах, но так как тела убитых не были найдены, а убийца запутался в подробностях, ему вменили в вину только три, должным образом доказанных и запротокколированных. Дэйвид Берковиц, 24 года, симпатичный улыбчивый и умственно отсталый молодой человек, застрелил тринадцать женщин из пистолета «бульдог» 44-го калибра. Он заработал триста шестьдесят пять лет тюремного заключения, что составляет приблизительно двадцать семь лет за каждую жертву. Теодор Банди, дипломированный психолог, умница и славный парень, был арестован и казнен в 1989 году. В его «послужном списке» более тридцати трех девушек, которых он насиловал не только традиционным образом, а затем без угрызений совести отправлял на тот

свет. Охотясь за своими жертвами в студенческих городках, он прибегал к следующей уловке — да будет она вам известна, милые барышни: он притворялся инвалидом. Перевязав руку, он ходил по городку с большой стопкой книг. Хлоп! И он рассыпал книги у ног какой-нибудь девушки, которая из жалости помогала ему их собрать. Так завязывался разговор, в котором собеседник представал очаровательным молодым человеком. Оставалось только завлечь жертву в какое-нибудь укромное место. Теодор Банди кончил жизнь на электрическом стуле, на который он уселся с улыбкой на устах. Ну и, наконец, — иначе этому не будет конца — некий Дональд Лерой Эванс, 34 года. Он был задержан вскоре после ареста Джеффри Дамера за убийство десятилетней девочки и заявил, что совершил еще шестьдесят убийств в различных районах Соединенных Штатов. Полиция уже официально признала за ним три убийства и теперь изо всех сил пытается установить, действительно ли Эванс совершил остальные пятьдесят семь преступлений или ему просто не дают покоя лавры соперников. Как бы то ни было, совершив три убийства, он является маньяком-убийцей, потому что в Америке — я забыл об этом сказать — надо прикончить по меньшей мере троих, чтобы получить это звание. Имея на счету четыре убийства, ты — дипломированный специалист. Двух будет маловато. Итак, как я уже говорил, по части ужасов в Америке существует жесткая конкуренция. Од-

нако, возразите вы мне, разве в других странах, во Франции, например, не было своих ландрю, петио и поленов? Были, и все же я протестую: во-первых, за семьдесят лет (Ландрю был казнен в 1921 году) во Франции было только трое подобных убийц. (Вейдман был немцем.) Во-вторых, мои соотечественники убивали за вознаграждение, что не соответствует профилю американского маньяка-убийцы, отправляющего на тот свет бесплатно и, если хотите, из удовольствия. Углубляясь в историю вопроса, мы вступаем в туманную область.

Трое врачей и восемь психиатров, вооружившись факелом знания, устремились к Джеффри Дамеру. Эскулапы заключили, что с физиологической точки зрения чудовище является человеком. Психиатры представили цепь хорошо разработанных рассуждений, впрочем, известных нам наизусть: «влечение», «травматизм», «неспособность установить нормальные сексуальные отношения», «гипосексуальность» (или «гипер», возможны варианты), «психосоматические факторы» и т.п. Итак, заключения психиатров нам невероятно помогли. Другими словами, на обычном, не «психиатрическом» языке, Джеффри «ненормален», а значит он — сумасшедший. При этом, как у всех маньяков-убийц, в его безумии есть определенное постоянство в отличие от сумасшедших, безумие которых — импульсивно. В обоих случаях внушает опасение ужасающая сексуальная дисгармония. Поместите маньяка в замкнутое пространство общества, раздираемого сексом и насилием, — один электрод. Подсоедините к нему другой электрод — библиоманиакальное пуританство — и произойдет взрыв. Если же индивидуум к тому же гомосексуален, взрыв будет еще сокрушительнее — вы получите Джеффри Дамера. Он «снимает» неблагополучных молодых людей в гомосексуалистских городских барах, приводит их к себе домой, якобы посмотреть фотографии и порнофильмы, пропустить стаканчик. Он накачивает их наркотиками, до или после сексуальных сношений, потом душил. Затем, находясь в состоянии, которое нельзя назвать неменяемостью или вменяемостью, которое вообще не поддается определению — настолько оно немислимо с человеческой точки зрения, — он режет и расчленяет тела: кромсает ножом, разбивает молотком, с помощью пилы отделяет кости и бросает их в кислоту, чтобы они растворились, иногда складывает отдельно руки и гениталии, укладывает головы в холодильник, помещает чье-нибудь сердце в полиэтиленовый пакет и живет, ест и спит в двухкомнатной квартире в доме № 924 по 25-й Норт-стрит города Ми-

луоки (штат Висконсин) — в преисподней площадью 50 квадратных метров, где он сам себе и Сатана и палач. Соседи, которые, как вы, наверное, уже догадались, не были президентами, генеральными директорами компаний, иногда слышат визг пилы или стук молотка. «Прошу прощения, я мастерю книжные полки... А что воняет — так это у меня сломался холодильник». Соседям наплевать. Им, живущим в огромном многоэтажном доме, совершенно нет дела до того, что происходит в 213-й квартире. Год 1988-й. В январе Джеффри на автобусной остановке «снимает» 14-летнего темнокожего Джеймса Докстатора и предлагает ему сделать несколько фотографий. Сексуальные сношения, снотворное, удавка, молоток. В марте — Ричард Герреро, 23-летний молодой человек латиноамериканского происхождения — события разворачиваются по тому же сценарию; в этом же месяце Энтони Сирх, 24 года. Дамер сварит его череп, сдерет с него кожу и раскрасит. Далее — короткое пребывание в исправительном центре г. Милуоки за то, что Дамер жестоко избил 13-летнего мальчика. Выйдя на свободу, Дамер задушил 32-летнего Рэймонда Смита и расчленил 27-летнего Эдварда Смита. Конераку, 14-летнему лаосцу, удается вырваться из рук Дамера, и он, полуголый, оказывается на улице. Дамер настигает его. Полицейские спрашивают, что происходит. «Ничего, мы — приятели, мы просто поругались». Конерак боится сказать полиции, что он занимается проституцией, и на глазах у полицейских Дамер, по-отцовски пожурив мальчика, уводит его к себе, убивает, а тело расчленяет. «Мы думали, это просто гомики, — скажут потом полицейские, — так что же, арестовывать всех, кто ругается ночью на улицах, в дискотеках или где-нибудь еще...» Всевозможные лиги защиты будут протестовать: если бы Конерак был белокожим подростком, преследуемым темнокожим... Циничный ответ: «Мы не виноваты, что ночью на улицах Милуоки белых молодых людей меньше, чем черных или желтых». Некоторым жертвам все-таки удалось уцелеть. Например, остался жив 15-летний юноша. «Я не убил его, потому что торопился. Той ночью я должен был работать на шоколадной фабрике». Или еще один взрослый. «Когда я увидел его голым, я решил, что он слишком толст для того, чтобы его расчленять...»

23 июля прошлого года Трэси Эдвардс, темнокожий, останавливает полицейскую патрульную машину. На него надеты наручники. Заикаясь, вне себя от ужаса, он рассказывает, что какой-то тип, с которым он познакомился в баре для гомосексуалистов, пытался его убить. «Он сказал мне,

что я хорошо танцую, и предложил двести долларов, если я соглашусь сняться на фотографии. Он положил меня на пол, надел на меня наручники и припал головой к моей груди. Он говорил, что съест мое сердце».

Эдвардсу удается отвлечь Дамера: тот напевает, усаживается в кресло, включает видеомэгафон и принимается смотреть «Экзорциста III». И тут Эдвардс умудряется Дамера повалить, ударить наручниками и убежать. Дамер не волнуется — ну, ушел один, так будет десять других. Однако на этот раз в дверь звонит полиция. Слышен лязг многочисленных замков, и Дамер как ни в чем не бывало открывает дверь. Краска сходит с лиц полицейских, когда они находят головы в холодильнике, две — в морозилке, и еще семь — сваренных и очищенных до кости; руки, торсы в целлофановых пакетах, матрас, заскорузлый от высохшей крови. «Поляроид» — чтобы снимать изуродованные тела. Что грозит Дамеру? Сотни лет тюрьмы в случае, если он будет признан виновным — ведь в штате Висконсин нет смертной казни. А, может быть, психиатрическая больница, если его адвокату удастся убедить присяжных, что они имеют дело с больным человеком? В последнем случае лет через двадцать мы, вероятно, еще встретим на улицах Милуоки чистенького, перевоспитавшегося, весело насвистывающего Джеффри Дамера.

Завершая эту статью, я удивляюсь тому, что писал ее хладнокровно, без эмоций и чувства протеста. Думаю, это произошло потому, что когда ужасающие злодеяния достигают таких высот, когда описание чудовищных убийств становится до однообразия монотонным, когда слишком много крови, каннибализма, черепов, пил, кислотных ванн, адского кипящего варева, отрезанных половых органов, вырванных сердец и т.д. и т.п., — ты уже перестаешь все это воспринимать, и только кажется, что сидишь в кино и смотришь кадры «Убийства дисковой пилой» или читаешь бесцеллер Джеймса Элроя. Вымысел стал реальностью в Милуоки? Ба! Да ведь мы в Америке, и Дамером уже заинтересовался Голливуд. Реальность станет сюжетом фильма, останется только найти для него подходящее название.

Перевела с французского
Е. ТАТУЛОВА

ЦЕЛЛУЛОИДНЫЙ СТРАХ

Если артисты — это «антенны расы», то в наши дни они принимают много довольно скверных позывных. Всего несколько лет тому назад кто мог представить себе, что одним из самых высокодоходных фильмов в сезоне будет фильм о психопате, который не только убивает женщин, но и сдирает с них кожу? Или что актера, играющего роль другого психопата, хорошего — его специальность каннибализм, но он помог в конце концов выследить того плохого — женщины в телевизионной студии встретили воплями восторга, как будто это был Мел Гибсон? Или что молодой романист будет описывать во всех отвратительных подробностях как женщину (и менее ярко мужчин, детей и собак) истязают и зверски убивают? Или что лучший американский музыкальный театр задумает сотворить блестящее шоу об убийцах американских президентов? Или что песенка об изнасилованной девчонке, которая всаживает пулю в голову своего папочки, больше года продержится на телевидении в хитах?

Да, такой товарец предлагался всегда, но до сих пор его подсовывали вам где-то на обочине массовой культуры. Сейчас он явился сюда, прямо к нам, и обосновался бок о бок с местным кинотеатром, который тоже хочет пощекотать нервы своих зрителей показом шокирующих фильмов ужасов. А конгломераты по изготовлению продукции массовой культуры наскоро стряпают и любезно выдают все более жестокие и порочные фильмы, книги и пластинки.

Отравление Америки сценами насилия подобно всем другим видам наркомании: отравы нужно все больше и больше, чтобы она оказывала действие. В сериале «Робокоп» (1987 год) было убито 32 человека; в 1990 году был уже 81 труп. Создатели же «Дай Хард-2» превзошли себя: после 18 убитых в начале к концу у них уже насчитывалось 264 (конечно, тут был и разбившийся самолет с 200 трупами).

Но людей уже серьезно тревожит эта волна жестокости, захлестнувшая радио, телевидение, театры, литературу. И тревожит не какой-то один фильм или программа, а ужасающая акселерация жестоких развлечений. Такое ощущение, что ситуация вышла из-под контроля. А может ли все это воображаемое насилие усугубить и без того опасную реальную действительность? По данным опроса, проведенного институтом Гэллапа в прошлом году, 40 процентов опрошенных считают, что фильмы насилия, — «очень веская» причина реального насилия, и еще 28 процентов считают их «значительным» фактором (только 11 процентов ответили «очень незначительным»).

Даже испытывая такую трогательную тревогу, мы забываем до отказа кинозалы, берем напрокат на 1,5 миллиарда долларов в год жестоких видеофильмов и с нетерпением ожидаем нового романа

Питер ПЛЕЙДЖЕНС,
американский журналист

Стивена Кинга. «Как и большинство американцев, я не придаю особого значения воображаемому насилию, — говорит Кинг. — Я был воспитан в убеждении, что у американцев есть великие герои и великие мученики, а Саддаму Хусейну надо дать под зад... В насильственном мире, где насилие понимают как решение проблем, воображаемое насилие будет отчасти пищей для воображения этого мира».

«Может быть, — говорит директор фильма «Хорошие ребята» Мартин Скорсезе, — нам нужен шок кровопускания и обезглавливания, как он нужен был древним римлянам, но как ритуал, а не как реальное действие в римском цирке». Эта аналогия с древними римлянами многое говорит и о нас самих. Кому нравится крутить эти жестокие ленты по своему виду? Кто восторженно вопит, когда Брюс Уиллис вонзает сосульку в мозг «плохого парня» через его глаз? Или серьезно рассуждает о важности того факта, что такой талантливый писатель, как Поль Теру, написал «Чикагскую петлю» о мужчине, который связал женщину и буквально загрыз ее до смерти.

В кино, так же как и в литературе, в наши дни насилие стало более отчетливым, громким, более анатомически точным и гораздо более сексуальным. В последнее десятилетие многие продюсеры кинофильмов получили подготовку в области телевизионной рекламы. Дайте им 30 секунд, и они заставят почувствовать, как волосы у вас встают дыбом, когда на экране автомобиль делает опасный вираж. Но дело не просто в том, что киноэффекты стали более изощренными, чем раньше, а в том, каким образом — и с какой целью — режиссеры ими пользуются. Все это делается так ярко и увлекательно, что вы жадно всматриваетесь, чтобы получше все разглядеть. Наша способность к сопереживанию подавляется чрезмерной жестокостью, особенно, когда это делается с голливудским блеском.

Во всей поп-культуре (как в большинстве случаев и в обществе) излюбленными жертвами являются женщины. «Вот тебе развод!» — вопит Арнольд Шварценеггер, избивая до смерти свою жену в одном из фильмов. А зрителям это нравится: так ей и надо.

Кое-кто говорит, что все это ничего не значит. Что здоровые американские семьи не бросаются покупать автоматы «узи» только потому, что им так хладнокровно и ловко владеет Шварценеггер. Но психологическая связь между реальной жизнью и воображаемой действует не только в одном направлении. В массовых масштабах производимые и потребляемые фильмы, книги, пластинки и телевизионные программы — это реальная жизнь каждого из нас; во многом из-за них мы ведем себя именно так, как мы ведем себя.

Когда речь заходит о влиянии сцен насилия на детей, то кинодеятели тут же заявляют, что эти фильмы не для детей. Но когда в последний раз какого-то ребенка не пустили в кинотеатр, потому что он еще не дорос? К тому же каждый ребенок может преспокойно посмотреть любую картину по кабельному телевидению или засунуть кассету в видеомагнитофон.

Эти факты нас уже давно не впечатляют, но к 18 годам средний американский ребенок уже посмотрит по телевидению 200 тысяч актов насилия, в том числе 40 тысяч убийств. (Каждый ребенок от 2 до 11 лет смотрит телевизор в среднем 25 часов в неделю.) Психологи Иллинойского университета Лонард Эрон и Роуэлл Хьюсманн изучали одну группу детей более 20 лет. Они установили, что дети, которые смотрели по телевидению много сцен насилия в 8-летнем возрасте, с большой долей вероятности будут совершать насильственные преступления или жестоко обращаться с детьми и супругами в 30 лет. «Мы считаем, что просмотры сцен насилия по телевидению — одна из причин агрессивного поведения, преступлений и насилия в обществе, — писали они в 1984 году. — Насилие по телевидению воздействует на детей всех возрастов, обою пола, всех социально-экономических уровней и всех уровней интеллигентности... Это нельзя отрицать или объяснить иначе».

И сегодня Хьюсманн не изменил своего убеждения на этот счет. «Серьезная агрессия — это всегда сочетание большого числа причин, — говорит он, — но одна из самых важных — это влияние сцен насилия в средствах массовой информации... Если мы ничего не предпримем, то создадим еще более жестокое общество».

Более двух десятков лет назад, расхваливая этапный фильм «Бонни и Клайд», критик Полин Кейел писала: «Отвратительная реальность смерти — не намеки, а кровь и раны — необходима... Именно такой род насилия что-то говорит нам; именно эти фильмы вправе выходить на широкий экран».

ПРЕДЕЛЫ ОТКРОВЕННОСТИ

Билли УОРДЕН,
американская журналистка

Это важный момент, это ключ к до-вольно туманному различию между «хорошим» насилием и «плохим», между искусством и его противоположностью. Мало фильмов таких жестких и злых, как «Хорошие ребята» Мартина Скорсезе. Кровь и огнестрельные раны в его жизненно правдивой повести о современных гангстерах оказывают огромное воздействие на зрителя. «Я знаю, что такое насилие, по собственному опыту, — говорит Скорсезе. — Я рос, понимая, что оно может возникнуть в любой момент из ничего. Это действительно страшно». Критикам, обвинявшим его в том, что он перестарался, он отвечает утвердительно: «Я не собирался делать эту сцену такой кровавой, но, — говорит он, — это было необходимо для того, чтобы «запечатлеть в умах» реальную стоимость жизни гангстеров». Скорсезе не запечатлевают; Скорсезе потрясает. Ничто не привлекает в насилии «Хороших ребят».

В то же время на нас обрушивается такое обилие жестоких образов, сгустков ужаса, вылепленных искусно и изощренно, что невольно цепенеешь. Мы рискуем стать нечувствительными к страданиям, и, пожалуй, именно это больше всего тревожит социологов. «Как ни прискорбно, такое оцепенение — явление обычное, — говорит Эдвард Доннерштейн, профессор Калифорнийского университета в Санта-Барбара. — Вспомните, как лос-анджелесская полиция избивала Родни Кинга. Вначале всех это ужасало, но теперь, когда вы видели такое уже не раз, вы воспринимаете это спокойнее. Ваше возмущение скорее моральное, интеллектуальное, вы не возмущаетесь всем своим существом».

После кассового успеха сравнительно спокойных фильмов «Призрак» и «Хорошенькая женщина» печать сразу же стала предсказывать конец тяжелых картин с жестокими сценариями. «Люди говорили: «Вы должны делать романтические комедии и фильмы полегче», — замечает Джо Рот, председатель кинокомпании «Твентис сенчури-Фокс». — Но так считают только некоторые руководители студий, полагающие, что им станет легче работать, если они будут следовать за тенденциями, а также журналисты, у которых свои вкусы. Они думают, что одного их желания достаточно, чтобы быстро отказаться от фильмов о насилии. Но еще не наблюдается мощного движения против таких фильмов. «Общий отбой» собрал 117,5 миллиона долларов, а «Дай Хард-2» — 112,7 миллиона. А теперь еще появился «Нью-Джек-Сити», и он имеет большой успех, а это вовсе не сладенькая романтическая картинка».

Новый монстр «Терминатор-2. Судный день» показал, во что Голливуд намерен вкладывать большие деньги и куда направлены его мысли.

Во всяком случае, в конце туннеля пока не появился свет, а только еще больше страха.

Есть слова, которые, действительно, «вылетят, и не поймешь». Кто из нас не испытал это на собственном опыте — когда хотелось вернуть неловкое слово, сказанное другу, любимой, товарищу по работе? Кто не помнит «Маленьких женщин» Луизы Мэй Элкотт? Героине этой книги по имени Джо мешала ее же собственная откровенность. И Джо, человеку викторианской эпохи, пришлось учиться молчать. Ну а современная обстановка, казалось бы, наоборот, располагает к наибольшей откровенности, к такому словесному стриптизу. Но это только на первый взгляд, считает психотерапевт Джоанн Мэгдофф: «Некоторые думают, что можно говорить все, что от любых слов можно отказаться, взять их назад. Но так бывает только у детей». Часто неловко брошенное слово рикошетом возвращается к нам. Бывают семейные пары, которые замыкаются на взаимных обвинениях и так живут всю жизнь. Но куда полезнее избегать в общении опасных поворотов речи. Мы должны знать, какие именно слова могут причинить боль, помнить болевые точки тех, с кем мы общаемся. Иногда мы забываем это или хотим забыть. Цель этих заметок, в общем-то, — напомнить общеизвестное.

Прежде всего речь пойдет о самой интимной части наших отношений. И мужчине, и женщине особенно больно слышать обидные вещи о себе как о мужчине или женщине. И даже если что-то вас раздражает, нельзя быть резким, причинять боль сексуальному «я» человека. Отношения после этого могут и сохраниться, но из памяти упрек уже не изгладится никогда. Многие из опрошенных мною вспоминают, как их упрекали: мужчин — в недостатке мужской силы, женщин — в холодности. Иногда упрекали за дело, иногда — нет. Причем если на «дурака», на «подлеца», даже на «урода» обидишься и простишь, то на такие слова обижаются всерьез и надолго, и тут не поможет привычное: «Прости, я не это имел в виду». А если именно это и имелось в виду? Что ж, тогда надо деликатно решать проблему, а не хамить.

Опасны также упреки в том, чего нельзя исправить. Это может быть разное: вера, национальность, внешность, наконец, те привычки, которые человек любит в себе и мог бы, но не хочет исправлять. Айк, который недавно обратился в новую веру, обиделся на приятеля, потому что тот сказал: «Для тебя это только игра, ты на самом деле будешь верить только в себя и только себя любить. И не нужен ты ни людям, ни твоему Кришне». «Как я тогда не

повесился, не знаю. Я понял, что эти слова — правда, — рассказывает Айк. — В храм уж точно полгода не ходил». Есть и менее серьезные претензии, вырастающие в повод для настоящей ссоры. У меня у самой был такой случай. Моему парню казалось, будто я слишком громко разговариваю. Он даже обращал на это внимание других, а это так неприятно. На самом деле я говорю нормально и ничего не хочу менять, а с тем парнем пришлось расстаться. Напрасно люди иногда ставят своим друзьям, родным, близким что-то вроде условия: «Или ты меняешься, или...» Часто дело касается чисто житейских вещей: например, похудеть. Но тут важно, заботится ли человек о твоём здоровье или не принимает тебя такой, какая ты есть, то есть поступает как эгоист, прося похудеть и этим удовлетворить его блажь. Одно отличается от другого.

Можно еще остановиться на некоторых типичных обидах, просто цитируя, и каждый вспомнит, что когда-либо говорил или слышал что-нибудь в этом роде:

«И что ты занимаешься этой ерундой? Времени, что ли, много?»

«Ты себя не уважаешь, позволяя ему так по-барски с тобой обращаться». «Ты лишь придумала его для себя. Все видят, что он идиот». «Что ты мне все приводишь в пример эту Эрну? Да она, Эрн, тебя за человека не считает!» «Ты был у психиатра? Сходи!» «Ну умер, умер!.. (о близком родственнике собеседника). Ничего!

САМУРАИ-ХЭККЕРЫ

Линда ЭДВАРС,
американская журналистка

Все там будем». «Занялась бы лучше чем-нибудь реальным, за реальные деньги» (сказано мне после выхода первой книги, стоившей мне пяти лет кропотливой работы). «Что значит «где взять денег»? В твоём возрасте мужчина должен уже знать, где взять денег!» (сказано в шутку, но после таких слов я не мог жениться на этой девушке, рассказывает мой приятель Сэм).

Бывают «советчики», которые страшно удивляются плохой реакции на их советы. Они ждут благодарности, они учат жить, а в ответ слышат: «У меня есть своя голова». Им кажется, что только они все делают как надо и что внушениями можно добиться от нас того же. «Никогда не надо обижать людей злословием об их друзьях, никого не ссорить, не «разводить», даже если вы твердо уверены в своей правоте. Они все равно рано или поздно помирятся, а вас будут ненавидеть», — говорит психолог Линда Барбанел. Последнее, о чем хочется поговорить, — это так называемые любимые мозоли или больные места, на которые нельзя наступать в своих интересах. Нельзя использовать что-то откровенно вам рассказанное, делать из этого козырь в споре. Ни депрессия, ни алкогольное опьянение, ни состояние так называемого аффекта — ничто не оправдывает вас, если вам что-то доверили, а вы играете на этом и больно раните человека. Я это по себе знаю. Иной раз расскажешь по секрету, например, о том, из-за чего тебя отругал начальник или почему ушел любимый человек, а потом твоя же мать ударит этим, скажет: «Не умеешь жить». И тогда жалеешь о своей откровенности.

Врачи говорят, что лишь немногие действительно не властны над собой, большинство просто неосторожны и, прежде чем сказать резкое слово, забывают сосчитать, как говорится, до десяти, дать себе возможность остыть. Я сама была несдержанной, пока один старший товарищ по работе (я его очень уважала и знала, что он от души желает мне добра) не предложил мне подумать над следующими вопросами:

1. Не бывало ли так, что вам не удалось что-нибудь серьезное из-за того, что кто-то плохо воспринял ваши слова?
2. Не слишком ли вы оправдываете себя тем, что кто-то плохо реагирует на критику или не понимает шутку?
3. Не кажется ли вы себе более честным, прямым и так далее, чем другие?
4. Как часто вам приходится извиняться и говорить, что вы «имели в виду совсем другое»?

На все вопросы мне пришлось ответить «да, часто...», и это отрезвило меня. Пришлось потратить много сил и энергии, чтобы все эти «часто» превратить в «иногда». Я вспоминаю эти вопросы, записанные на пожелтевшем листке бумаги, который лежит до сих пор у меня в столе, и мысленно перечитываю этот листок всякий раз, когда неосторожно открывается рот, чтобы сказать что-нибудь, о чем потом можно будет с горечью сожалеть: «вылетит — не поймает».

Перевел с английского
П. ПОНОМАРЕВ

Декс — хэkker, то есть компьютерный вор. В последние годы хэкеры прочно заняли собственную нишу в современном деловом мире США. Их нанимают рекламные агентства, юридические фирмы, газеты и различные акционерные общества, когда им требуется украсть идеи или переманить клиентов, получить незаконный доступ в банки информации компьютеров-супервизоров для выработки стратегии бизнеса. Хэкеры, вооружившись клавиатурами, дешевенькими дискетками и доморощенными приспособлениями, радостно ухватились за предоставившиеся возможности. В большинстве своем хэкеры — одаренные мальчишки-самоучки, сыновья полицейских, водителей грузовиков, операторов ЭВМ и мелких бизнесменов. Перспектива работы на конвейере кажется им удручающей, и они рады подзаработать на любимом занятии. Семьдесят пять долларов в час — конечно, хороший стимул, и все же деньги для них не главное: им нравится чувствовать себя юными гангстерами, «самураями-хэкерами».

Однажды в магазин грампластинок, где работал Декс, позвонил его приятель: «Хочешь стать вором в законе? — спросил он. — Один босс решил заткнуть за пояс своих конкурентов. Ему нужна помощь, чтобы проникнуть в их компьютерные банки, покопаться в личных файлах и в переписке. Он платит 75 долларов в час, работа займет три-пять ночей». Декс сказал «да».

В мае 1990 года агенты ФБР произвели обыски в домах тридцати хэккеров в четырнадцати городах Америки, вытаскивая сонных тинэйджеров из постелей и конфискуя их компьютеры. Хэккерам было предъявлено обвинение в нарушении права интеллектуальной собственности. «Мы строго предупредили ребят, объяснили им, что они ведут себя глупо», — сказал один из агентов ФБР.

Однако два восемнадцатилетних самурая, которые согласились на интервью, считают иначе. Богатых боссов, на которых они работают и шпионят, юные самурай называют кретинами. «Полные кетины! Я-то знаю, — настаивает один из хэккеров. — Я залез в их компьютеры, читал записи переговоров. Они говорят глупости и смеются глупым шуткам. То, чего они хотят, — сплошная глупость, люди, которые им нравятся, — просто идиоты. Но у них есть деньги, вот и приходится иметь с ними дело».

Я назначила им встречу в китайском квартале Нью-Йорка. Они приоделись для такого случая: белые рубашки, Декс в легкой спортивной куртке, Декс в хаки; да, ребята смотрелись

неплохо. На случай, если им не понравится китайская кухня, они притащили с собой полную сумку пепси и конфет.

— Я несколько раз пытался устроиться на работу в какую-нибудь компьютерную компанию, — говорит Декс, объясняя, почему он предпочитает самурайскую жизнь постоянной работе. — Но поди втолкуй им! Это выше их понимания, говорить с ними — все равно что с глухой стеной. Видите ли, я слишком молод. Но я люблю компьютеры. Я обожаю компьютеры.

О компьютерах хэкеры говорят с упоением и самоуверенностью бывалых пилотов. Но когда беседа принимает общеприятельский оборот, они мнутя и переводят разговор в другое русло.

Я спросила о самурайской этике.

— Покажи ей книжку, — сказал Декс.

Джек положил на стол «Книгу пяти колец» Миямото Мусаши, произведение шестнадцатого века о правилах жизни самураев. Для хэккеров даже не стратегия Мусаши представляет интерес, их привлекает сам образ бездежного самурая: его искусство — владеть мечом, а деньги и статус он получает от князя, нанявшего его, при этом наниматель сам по себе самурая глупо безразличен.

«Самурай подобен плотнику, — читает Джек, — он совершенствует свое искусство, выполняя княжеский заказ... мастерство плотника послужит тому, чтобы строение не покосилось, углы сошлись: ведь совершенство здания — в гармонии его частей... так же и самурай, его дело — видеть насквозь, понимать суть вещей... и быть полезным князю».

— Даже если этот князь — сущее дерьмо, — добавил Джек, открывая пепси.

Они придерживаются неписаных законов этики хэккеров: можно искать, переписывать, но не стирать чужую информацию. Хэккер никогда от себя ничего не внесет в чужой компьютерный файл. А что касается частной собственности — они уверены, все компьютерные системы должны быть доступны. Когда все они связаны и являются частью всеобщей компьютерной сети, какой болван станет рассуждать о частной интеллектуальной собственности?

В большинстве случаев самураев находят по устной рекомендации. Так и Декс получил свою первую самурайскую работу. Вот что это была за работа. Небольшое рекламное агентство в пригороде Нью-Йорка поглотила большая фирма. Предстояло сокраще-

ние штатов. Директор агентства предложил способ проведения этой болезненной, но совершенно необходимой операции: соревнование. Он разделил сотрудников творческого отдела на две команды и обеим командам поручил проект заказа на рекламу маленькой, но процветающей парфюмерной фирмы, выпускающей шампуни и мыло с травяными и цветочными экстрактами. Та команда, чей проект окажется лучше, получит заказ. Остальных уволят. Изначально предполагалось, что обе команды будут работать в полной изоляции, храня свои наброски, рисунки и тексты в секрете, в компьютерных файлах. Но они не знали, что директор следил за каждым их движением.

Уже десяток лет компьютерная слежка за сотрудниками применяется управленцами для тайной оценки эффективности работы и даже лояльности подчиненных. Нисколько не мешая делу, компьютерный мониторинг позволяет шефу быть в курсе всего, чем занимаются на работе его служащие. Одним нажатием на клавишу он получает информацию с экрана любого другого компьютера в офисе. Компьютерная система слежки, имевшаяся в распоряжении директора рекламного агентства, о котором идет речь, дала ему возможность наблюдать следующую картину: Команда «А» — его любимцы — ударились в самый что ни на есть банальный проект, изображая в ролике хрустальные ручки и солнечные полянки; в то же время команда «Б» — эти несносные, неуправляемые наглецы — творила нечто неординарное: камера медленно вливается в панораму комнаты дешевого мотеля, затем фиксирует валяющиеся на полу мятые порножурналы, пустую консервную банку, наручники, вскрытые пакетики с жареным картофелем. Какой-то забулдыга что-то бормочет — пропитой хрип, полный раскаяния и отворачивания к себе: «Только это во всей моей поганой жизни осталось чистым и прекрасным». Тут кадр переходит на фотографию его жены и детей, рядом с которой стоит бутылка с шампунем. Бутылка прямо-таки светится в изысканной цветовой гамме.

Четыре недели спустя после начала соревнования команда «Б» обнаружила предательство: когда они сделали заявку снабженцу агентства на поставку наручников и дешевого белья, то оказалось, что он недавно выполнил такую же заявку для команды «А». «Мы сразу все по-

няли», — сказал капитан команды «Б». Он обратился за помощью к Дексу.

Декс работал три ночи. Команда «Б» подкармливала его пиццей и орехами. Декс принес свои дискеты, свои модели и принялся за дело с самурайской самоотверженностью. Компьютерная система напоминает апартаменты большого здания, в котором каждая комната — файл, каждый файл заперт своим паролем. Чтобы войти в «здание», Дексу были необходимы два ключа: наружный — номер системы и внутренний — номер банковского счета нанимателя. И то и другое предоставили ему парни из команды «Б». Теперь ему предстояло проникнуть в директорские файлы, а для этого требовалось знать личный код директора.

«Детский код», — сказал Декс. — Всем лень ковыряться с компьютерной защитой». На третью ночь Декс действительно подобрал код. Он позвонил капитану команды «Б», который немедленно приехал. Декс продемонстрировал ему директорские файлы, и его клиент взвыл от бешенства: команда «А» променяла свои жемчужные капли на лепестках роз на мерзкого забулдыгу в грязном мотеле, за что директор уже их поздравил и одобрил «удачную находку», то есть украденный у команды «Б» сюжет. Декс сделал две копии разоблачительного материала; одну оставил себе, другую отдал клиенту, который помчался в агентство выяснять отношения с шефом.

Что же побудило директора совер-

шить воровство для команды «А»? Оказывается, все дело в том, что благодаря компьютерной шпионской системе директор знал, что ребята из команды «Б» между собой называют его «Пресмыкающимся» и «Вислозодым», и он принял это слишком близко к сердцу. «Стадо кретинов! — восклицает Декс и добавляет: — Хотя их компьютерная система довольно интересна».

Мы едем домой к Джеку. Уже прошел час с тех пор, как Джек и Декс закончили с ленчем, поэтому мы заворачиваем в магазинчик, чтобы выпить содовой и купить пирожных. Парни попытались завязать разговор с кассиршей в ярко-красной блузке.

— Так вы здесь работаете? — спросил Декс.

— Мне нравится ваша блузка, она вам идет, — добавил Джек.

Кассирша лишь небрежно улыбнулась.

По дороге, чтобы не скучать, ребята дали мне несколько хэккерских журналов и комиксов. Я стала листать их в поисках ключей к психологии хэккеров. Ребята же взяли у меня экземпляр журнала «Вог» и долго изучали в нем размеры бюстгальтера Ким Бэссинджер.

В комиксе «Ночной самурай» молодой компьютерный эксперт слоняется подобно Кандиду по постоянным дворам и притонам. Комикс кончается тем, что хэккера посещает пришелец из будущего, который говорит: «Мы теперь не путешествуем через пространства, мы можем, используя компьютеры, непосредственно обмениваться знаниями, мыслями и чувствами с любым существом, которое когда-либо жило или будет жить во Вселенной». Произведение

увлекательное, но с точки зрения взрослого человека — совершенная белберда.

Джек ведет нас в гостиную дома. Там нас уже ждут несколько его друзей-хэккеров, одни мальчишки. Тут до меня доходит, что я никогда не слышала о девочках-хэккерах. Существуют ли они?

— Я не думаю, что существуют девочки-хэккеры, — слегка смущаясь, говорит один из ребят.

— Техника, числа, провода — это не женское дело, — объясняет Декс. Нас прерывает мама, предлагая немного перекусить: жареный цыпленок, булочки, картофельные чипсы, пирожные, содовая. Мальчишки все тощие, как жерди, хотя явно любят поесть.

Джек рассказывает историю. Юрист,

который его нанял, работал в фирме «Вест-Коуст» и был одним из четырех претендентов, имевших равные шансы на то, чтобы стать совладельцем фирмы. Секретарша выдала ему, что совет директоров фирмы для оценки претендентов пользуется компьютерной программой АУК (автоматизации управления кадрами).

Пакет АУК юридической фирмы «Вест-Коуст» позволял владельцам собирать и обрабатывать разнообразнейшую информацию: слухи, сплетни, особенности личности, записи телефонных разговоров — все это закладывалось в банк данных.

Существуют федеральные законы, которые разрешают государственным служащим просматривать и опротестовывать созданные на них компьютерные файлы-досье, но нет никакой защиты для служащих частных фирм. Если управляющий в своем персональном компьютере завел на вас досье, вы его никогда не увидите. Для этого вам нужен самурай.

Клиент Джека обеспечил его информацией, необходимой для проникновения в компьютерную сеть фирмы. Теперь Джеку предстояло, говоря на жаргоне самураев, «пройти сквозь стену», то есть войти в архивы АУК. Эти архивы были защищены последовательностью кодов, которые требовалось «взломать». Но вместо того, чтобы подбирать ключ к замку, Джек предпринял дерзкую попытку хитростью выманить нужный ему код. Используя свои программы-отмычки, он вызвал поломку всей системы, затем позвонил в отдел обслуживания компьютеров и сказал, что у него возникли проблемы с операционной системой. К этому времени он располагал уже достаточными знаниями, чтобы ввести их в заблуждение: его сочли «своим», и выдали ему нужную информацию. Такая комбинация обаяния и коварства у хэккеров называется «социальной инженерией».

Я сидела рядом с Джеком и смотрела, как секреты юридической фирмы проплывают на экране его компьютера. В обширных архивах партнеры — руководители фирмы накапливали информацию, которая подсказала бы, кого из претендентов стоит сделать совладельцем фирмы. Они анализировали непреднамеренные высказывания и случайные записи. Не остался незамеченным сделанный одним из претендентов подсчет суммы, истраченной на спиртное. Было обращено внимание на скандальный развод и на истеричные телефонные звонки бывшей жены другого претендента. «Личная жизнь Тома, — заметил партнер, — это, конечно, его личное дело, но мы не можем допустить, чтобы семейные неприятности привносили сумбур в работу. Да и его бывшая жена способна создать нам проблемы».

О клиенте Джека в архиве обнаружилось только одно негативное замечание: что он хитер и вероломен.

— Он это воспринял как компли-

мент, — вспоминает Джек.

Джек переписал файлы АУК и отдал клиенту. За два дня он заработал 3 тысячи долларов и обед в «Зеленой Таверне».

Но ведь нехорошо вторгаться в чужую личную жизнь, и разве не предательство — выдать своему клиенту за деньги всю подноготную его конкурентов?

— Но послушай, Линда, — парировал Джек с раздражением, — прежде чем ты начнешь очень уж жалеть этих несчастных, дай-ка я покажу тебе кое-что из их компьютерной почты, я переписал себе это просто так, для забавы. Помнишь того бедолагу с истеричной бывшей женой? Так вот смотри, что он пишет своей секретарше. — Записка Тома секретарше — действительно пошлая и сальная.

— А секретаршей, между прочим, работает моя сестра! — грустно добавил Декс.

Недавно газета «2600» опубликовала результаты одного конкурса хэккеров. «Я — хэккер, — писал победитель соревнования, — я обожаю компьютеры, потому что возможности их — безграничны. Я считаю программирование искусством, и это искусство — мое призвание. Когда я сижу за компьютером, для меня не существует сомнений. Я не думаю о том, насколько мои действия легальны и этичны, — я действую... Колумб был хэккером. Леонардо да Винчи был хэккером».

В конце концов ответственность за неприкосновенность интеллектуальной собственности лежит на владельцах компьютерных сетей, они же только разводят руками: такова жизнь. Игра...

У хэккеров есть идеи насчет создания полезных для общества служб, которые они могли бы взять на себя: ловить шпионов и маньяков, спроектировать информационную систему для поиска пропавших детей, усовершенствовать телефонное обслуживание. Но их предложения пока никто не воспринимает всерьез.

— Какое мне дело, — говорит Декс, — чем закончится та или иная канцелярская война? Как я понял, ее исход зависит от пустяков, от чьей-то небрежности... Зато, может быть, когда-нибудь откроется, что я — гений!

— Не знаю... не знаю, — сказал Джек, — кое-что меня тревожит. Всюду проникающие и всё знающие компьютеры — само совершенство на фоне человеческого убожества, ведь люди часто ведут себя, как грязные свиньи.

Он глубоко вздохнул, потом улыбнулся:

— А, к черту это! Пошли на пляж, подурачимся!

И они умчались со своей неременной сумкой, полной содовой воды и конфет.

Перевела с английского
В. ЕРЕМЕЕВА

ПУТЬ К УСПЕХУ

Юрг АЛЬТВЕГГ,
немецкий журналист

«Э

то была любовь с первого взгляда». Так обычно начинаются любовные истории, красивые и романтические. Но

они редко начинаются на кладбище, во время похорон. Умершего звали Кристиан Диор. Боль и скорбь от потери старшего друга переполняли сердце Пьера, пришедшего сюда. На пару секунд, возможно на долю секунды, он лишился чувств, «упав» прямо в объятия Жанны Моро, которая тотчас же влюбилась в потерявшего равновесие Пьера Кардена. «Я увидела его и полюбила с первого взгляда. Мне безумно захотелось встретиться снова, и я пришла к нему в салон под предлогом посмотреть его платья. У него была громкая слава в Париже. Я обо всем этом знала, но мне было все равно. Даже напротив, все препятствия, стоявшие между нами, сделали его еще более привлекательным для меня. Я чувствовала, что он способен на большую любовь. Мне только надо было быть терпеливой и нежной и внушить ему, что я могу все понять и вытерпеть». Все это актриса рассказала в 1963 году в своем интервью журналу «Шоу». Любовь эта была настоящим адом, и не только для Жанны Моро. Душевные муки сделали ее истеричкой, которая постоянно преследовала своего будто бы неверного супруга всеми дозволенными и недозволенными средствами. Когда, например, во время съемок она не могла следить за ним сама, то пускала по пятам Кардена частных детективов.

Но Карден — джентльмен, который молчит и наслаждается своим молчанием. И это тогда, когда весь мир жаждет узнать подробности его любви с Жанной Моро. Уверенный в себе, Карден отнюдь не производит впечатления человека, которого можно легко убедить сделать то, чего он не слишком желает. И три десятилетия спустя он говорит о своих отношениях с Жанной Моро так же корректно и несколько отстраненно: «Это была часть моей жизни, счастливая пора зрелого мужчины, неизбежная и чудесная». Многие из жизни и любви Пьера Кардена все равно так никогда и не станут достоянием общественности. К 60-летию всемирно известного холостяка одно хорошо информированное пресс-агентство писало: «Кроме любовной связи с Жанной Моро его едва ли можно еще в чем-нибудь упрекнуть». Хорошо знающие Кардена сотрудники характеризуют его как человека чрезвычайно скромного, без каких-либо особых запросов и потребно-

стей. Он и сам не знает, как ему быть с той роскошью, которая его окружает и которая принесла ему славу одного из самых богатых французов. Он носит костюмы исключительно «от Кардена», причем часто может носить несколько дней подряд один и тот же костюм. «У него нет ни слуги, ни повара, ни горничной. Когда он после 17-часового рабочего дня возвращается поздно вечером домой, то съедает в лучшем случае кусочек сыра и выпивает бокал красного вина». Может, пару лет назад такое и было, но сейчас, рассказывают его близкие друзья, Карден давно уже не курит и не пьет. И когда он бывает в Париже, то предпочитает ездить в метро или ходить пешком. Но о цене билета в метро его лучше не спрашивать, да и к легенде о старом парижанине не следует, пожалуй, относиться серьезно. «У меня всегда был какой-нибудь французский автомобиль, — рассказывает Карден. — Но сейчас я езжу на «ягуаре», потому что я не смог купить последнюю французскую модель. Мне предложили целый год ждать новый «пежо-605»! После того как мое интервью по этому поводу украсило первую полосу «Фигаро», я стал надеяться на иное обращение со мной. Я считал, что вожу свой автомобиль и прославляю Францию, послом которой я являюсь, но если эта страна не признает необходимости предоставить мне по меньшей мере «пежо», ну

что ж, тогда я обзаведусь «ягуаром». Этот человек знает, чего он хочет. Он знал это, когда был еще маленьким мальчиком: «Я мечтал стать большим в прямом и переносном смысле: взрослым и тем, с кем считаются в этом мире. Одна гадалка предсказала мне как-то большое будущее. Она сказала мне, что я буду невероятно богат и мое имя станет известно всему миру». Но путь Кардена к международному успеху не был быстрым и легким. Родившийся в Сан-Бьяджо ди Каллатия (под Венецией) в семье виноторговца, Пьетро Кардини хотел вначале стать танцором или актером, но не получилось. Спасаясь от бедности, семья Кардини переехала во Францию. Пьетро Кардини рос в Сент-Этьенне, где пошел в учение к мужскому портному. Во время войны Пьетро был уже помощником портного, а едва ему исполнилось 20 лет, стал обучаться организаторской деятельности и управлению, постигая одновременно и тайны бухгалтерского учета. После освобождения страны в 1944 году поле деятельности Кардена переместилось в Париж, в метрополию культуры, особенно — театров, где экзистенциалисты наводили ужас на обывателей и буржуа, где нравы были свободнее, а терпимость ко всему больше, чем в провинции, которая после немецкой оккупации стала еще более консервативной. Но от своей приобретенной по бедности профессии призванный к более «высокому» Карден-художник так никогда и не смог отступить. В Париже он встретился с настоящими интеллигентами, познакомился с цветом театральной сцены. По его эскизам шились костюмы для ведущих актеров парижских театров и кино. Был среди них и Жан Кокто, для фильма которого «Красавица и чудо-

вище» он разработал замечательные костюмы. После Кокто он стал сотрудничать с Кристианом Диором. Несколько лет он входил в число его ближайших сотрудников и был намного одареннее остальных. Для фирмы Диора он создал в 1947 году новый стиль «Нью лук», который отличался зауженной подчеркнутой талией и округленными расширенными плечами. Благодаря своему гениальному стилисту Диор стал воплощением авангарда среди парижских домов моды.

В 1950 году Карден на все свои сбережения открыл собственное дело. В своем ателье Пьер продолжал работать для театра, делая костюмы прежде всего для балов-маскарадов, которые были тогда в большой моде, и вскоре прославился созданием лучших мужских костюмов в Париже. В 1952 году состоялась презентация его первой коллекции «высокой моды», а к середине 50-х годов он окончательно утвердился в Мекке французской моды и открыл два магазина-ателье, «Адам» и «Ева».

После основания собственной фирмы в полной мере раскрылась двойная одаренность профессионального портного: творчество и коммерция выступали в неповторимом симбиозе. Талантливый художник проявил себя и как гениальный коммерсант. Невозможно разделить творческий и коммерческий талант Кардена. «Этому нельзя научиться. Это как растение, дающее и листья, и цветы. Это родилось вместе со мной. Конечно же, существует и воля к действию. Сюда следует добавить и способности, которые либо имеешь, либо нет. Весь смысл моей жизни — моя работа». В 1957 году дела шли столь успешно, что Пьер Карден позволил себе отказаться от предложения стать преемником умершего Кристиана Диора.

Решающий шаг был предпринят в 1959 году и привел его в универсальный магазин. Будучи звездой первой величины парижской «высокой моды», Карден представил широкой публике коллекцию повседневной одежды, которую он стал вначале продавать в «Галери Лафайетт».

Карден разработал и до сих пор продает детские коляски и швейные машинки, надувные лодки, скатерти, постельное белье, фарфоровые изделия, столовые приборы, обивочные материалы и мебель, проигрыватели, конверты для грампластинок, обои, сантехнику, сигнальные устройства и лыжи, куклы и носки, часы, шариковые ручки, парфюмерию, галстуки, платки, зажигалки и очки. И на всем этом стоит фирменный знак «Р. С.». «Наши клиенты, — говорит Карден, — покупают зеркальное отражение творческого таланта, который они признают и уважают. Это относится не только к вещи, они покупают и немного мечты. Нужно мечтать в жизни, это самое важное. И самое дорогое.

Клиент должен быть уверен, что за ту цену, которую платит, он получит самое лучшее, что можно приобрести на эти деньги. Мы, конечно же, зависим от качества работы фирм во всем мире. Я сознательно обслуживаю массовую публику. Роскоши для всех, к сожалению, не получится. Я хочу быть популярным и приобщиться к людям через мои изделия».

Покупка парижского фешенебельного ресторана «Максим» стала для Пьера Кардена лишь прелюдией к новому этапу его активности. Он открыл филиалы «Максима» в Нью-Йорке и Пекине, где на первом этаже разместил «мини»-зал на 1000 персон. Они в определенной степени являются маяками империи «деликатесов», которую Карден намеревается создать. Выпущенное вначале и, по правде говоря, отвратительное фирменное шампанское «Максим» было неудачным стартом, за которым последовала продукция высшего класса.

Пьер Карден считается всемирно признанным мастером создания «имиджа». Фирменный знак качества, содержащий его инициалы, введенный для основной продукции, теперь распространяется и на дополнительную. Кардена, имеющего деловые контакты во всем мире, это вполне устраивает. Эмблема «P. C.» известна практически во всех странах, кроме Албании. Карден стал первым, кто решил «разложить» социализм на Востоке с помощью «люкса». В его фирме занято 180 000 человек, а ежегодный оборот составляет свыше одного миллиарда долларов. Выбранная им самим стратегическая задача — популяризация и демократизация хорошего вкуса: «Это моя профессия. Я всегда работал во имя исключительности, которая для меня означает творчество. Но что бы я ни делал, я делал для людей».

Что он хочет передать массам, сам Карден точно не знает: «Я хочу, наверное, чтобы меня признавали. Люди должны понять, что товар, на котором стоит мое имя, отличается от другого, он лучше. Я не хочу им этого навязывать, но люди сами поймут это». На вопрос, смог ли бы он среди множества других изделий узнать товары своей фирмы, он ответил уклончиво: «Это слишком громко сказано. Меня подделывают во всем мире. Ущерб наносит то, что авторские права не соблюдаются, а то и попросту крадутся. С другой стороны, стремление к подделкам является формой признания. Товар с моей эмблемой чего-то стоит и продается. Кто его копирует, тот существует».

Есть ли у всего того, что выходит под фирменной эмблемой Пьера Кардена, некий единый почерк творца, есть ли стиль Кардена? «Я очень надеюсь, что это так. Я сорок лет работал над ним. Он отличается от других стилевых направлений. Во всяком случае, таков мой замысел: быть другим.

Можно существовать, только лишь отличаясь от других». Суть стиля трудно выразить конкретно: «Не быть зависимым, не находиться под чьим-либо влиянием. Только оригинальность. Ничего не копировать. Если чему-нибудь (или кому-нибудь) подражаешь, то ты в лучшем случае второй. Я же всегда хотел быть первым. Меня всегда критиковали, ну а потом начинали копировать. И второе: космос, наука, спутники и вселенная — эти сферы меня всегда вдохновляли. Они — моя исходная точка: каким должен быть этот другой человек, который не похож на земного? Этот прием помог мне развивать мой стиль, в то время как другие застыли на барокко или призвали к себе на помощь исчезнувшие культуры и традиции. Я хочу творить культуру завтрашнего дня, а не перековырять то, что есть». Чары первого космического полета вдохновили его на создание в 60-е годы стиля «космо-люкс». Эра компьютеров ознаменовалась появлением многослойного плиссированного плаща типа «свинг». На оригинальные решения натолкнула его и поездка в Китай в 1978 году. Знакомство с земной, но по сути чужой цивилизацией, восхищенные архитектурой пагод привело к созданию очередного стиля.

А что будет завтра? «Этого я не могу сказать. Я никогда не знаю, что буду делать на следующий день. Вдохновение приходит абсолютно произвольно, и я могу сказать только послезавтра, что я намеревался делать «завтра». Я люблю работать с легкостью и энтузиазмом. Утром, вечером, ночью — у меня нет расписания. Существует творческое вдохновение, и оно может прийти неожиданно». Человек, продающий мечту другим, сам больше не мечтает. «Я уже реализовал свои собственные мечты, и они стали действительностью». Но воплощенные мечты иногда становятся печальной реальностью. Даже если на это уходит слишком много сил и средств, как это было с его собственным театром: после приобретения сооруженного в 30-е годы парижского «Амбасадор» Карден затеял в нем дорогостоящую реконструкцию, попутно переименовав его в «Эспас Карден». Долгое время здесь шли авангардные пьесы. Их финансирование было просто расточительным, но, увы, и безрезультатным. Хотя и сегодня «Эспас Карден» «подпитывается» карденовской модой, его репертуар уже не пользуется интересом публики.

Оправившись после этой неудачи, поставившей под вопрос творческую активность предпринимателя, Карден решил для себя: в основе деятельности человека-творца, участвующего в создании культуры, должно быть только гуманное и нужное человеку. Назначенный полномочным представителем Франции в ЮНЕСКО, Пьер Карден к пятилетию ядерной катастрофы в СССР разработал проекты,

выручка от которых пойдет в Фонд детей Чернобыля: «Чернобыль стал для меня драмой цивилизации, о которой мы никогда не должны забывать. Поэтому я выпустил памятную медаль. Но я считал это недостаточным, поскольку медаль, как правило, заканчивает свои дни в ящике какого-нибудь стола. И тогда я выпустил новую «чернобыльскую» модель: речь идет о небольшой скульптуре, которую ставят на стол. Когда видишь ее, вспоминаешь о Чернобыле. О страшной драме, которая не должна повториться».

Катализатором своего творчества Пьер Карден называет успех, красной нитью проходящий через всю его жизнь: «Я всегда испытывал великую радость от успеха, и моя профессиональная и личная жизнь — это успех». Не менее категорично оценивает он свое творчество и с позиции художника: «Я — творческий человек. Свобода — вот моя власть, мой «имидж». Я не признаю компромиссов, слабости мне чужды». Самим собой и миром Пьер Карден доволен, как доволен и горд своим назначением ответственным за программу ЮНЕСКО «Дети Чернобыля»: «Не могу себе представить ничего более лучшего и нужного».

Сбылись мечты маленького Пьетро Кардини, и стали реальностью предсказания гадалки, но ныне великий мастер говорит: «Я чувствую себя таким маленьким в этом мире. Перед бесконечностью космоса и времени начинаешь осознавать, что ты — ничто».

Может быть, поэтому у Кардена возникло новое желание: «Я хочу, чтобы и через сто лет люди знали, какой была наша цивилизация. Я хотел бы, чтобы люди, увидя какое-нибудь платье, говорили: это было в 1960 году. И это был Пьер Карден».

Мода — это выражение эпохи, ее стиля жизни, она не создает культуру, которая остается, когда одна мода сменяет другую. «Мода, — соглашается Пьер Карден, — это выражение совершенно определенного момента, но одновременно она представляет и своего создателя. Если рассматривать ушедшие эпохи, то их лицо будет определять именно мода. Картины, фотографии, музеи — это отражение цивилизации, расы, страны. Мода же сделает прошлое зрительно осязаемым: одежда, обувь, прически и прочие аксессуары, то, как люди одевались, пользовались косметикой, украшениями».

Перевел с немецкого А. ЗАБУГА

Фото Юрия АБРАМОЧКИНА

Музыкальный Антракт

Стинг (кадр из фильма «Дюна»)

Музыка и кино переплетены настолько плотно, что очень часто названия фильмов дают названия песням и группам, а режиссеры соблазняются названиями произведений рока. Вот лишь небольшой перечень картин, названных по песням английских и американских исполнителей:

1969 г. — Короткометражка «Les Bicyclettes De Belsize» — «Велосипедистки из Бельсайза» — названа по песне Энгельберта Хампердинка.

1972 г. — Фильм «За зеленой дверью» получает свое название по песне Фрэнки Вона «Зеленая дверь», которая была хитом № 1 в 1956 году.

1974 г. — Картина «Удивительная благодать» названа по песне Джуди Коллинз (1970 год), а фильм «Это будет день» — по хиту «The Crickets» 1957 года.

1978 г. — Режиссера фильма «Я хочу держать тебя за руку» вдохновила песня «Битлз» 1963 года.

1982 г. — Фильм «Багровый туман» назван по одноименной композиции Джими Хендрикса 1967 года, а документальный фильм «All By Myself» («Все сам») — по хиту Эрика Клэптона (1976 год).

1985 г. — «Девушки просто хотят веселиться» — бестселлер года, озаглавленный в честь композиции Синди Лопер.

1986 г. — Комедия «Девушка в розовом» получает название по песне группы «Psychedelic Furs», а лента «Джекпопрыгун» с участием Вупи Голдберг — по хиту «Роллинг стоунз» 1968 года «Jumping Jack Flash». Этот список можно было бы продолжать до бесконечности, в репертуаре практически любого исполнителя или группы вы обязательно найдете вещь, так или иначе имеющую отношение к кино. Кино в музыке, музыка в кино, киноактеры, записывающие пластинки, певцы, чье появление на экране, казалось бы, непременно должно привлечь зрителей... Но всегда

ли именно так и происходит?

Репутацию звезды подмочить трудно, если, конечно, это действительно звезда и если она сама не займется этим всерьез. Как, например, Стинг, который, похоже, вознамерился развенчать все мифы, которые благодарные почитатели складывали о нем на протяжении многих лет. Ни один проект Стинга, выходящий за рамки работы в студии, так и не увенчался успехом: феноменальный провал «Трехгрошовой оперы» целиком и полностью на совести Стинга, а вот его участие в фильме «Дюна» можно оценить как провал умеренный, ибо фиаско ленты затмило даже чудовищную игру актеров. Выходит, «рожденный петь, играть не будет»? Или наоборот?

Ничего подобного. И то, и другое с успехом делает Бет Мидлер, и трудно понять, кто она в первую очередь — актриса или певица. Видимо, просто Актриса. Или же Грейс Джонс, выточенная из эбенового дерева леди-вампа. К тому

Грейс Джонс

же она еще и манекенщица, причем из таких, которые сами выбирают модельеров (от услуг Пьера Кардена она отказалась — простоват для нее Карден).

Печатью успеха отмечена кинокарьера Дэвида Боуи: «Человек со звезды» и «Голод» — только два этих фильма принесли ему мировую славу. Хотя нужна она Боуи! Он даже заблаговременно предупредил, что в святой святых рок-н-ролла «Зале славы» ноги его не будет: «Я велик сам по себе». Неплохо сказано! Видимо, он и вправду велик, иначе Мартин Скорсезе, известный придирчивостью в отборе актеров для своих картин, не пригласил бы Боуи на роль Понтия Пилата в «Последнем искушении Христа». И пусть кто-нибудь посмеет сказать, что Боуи появляется на экране всего на пару минут! Таких минут многие ждут всю жизнь, и тщетно.

Майкл Хатченс в роли Шелли

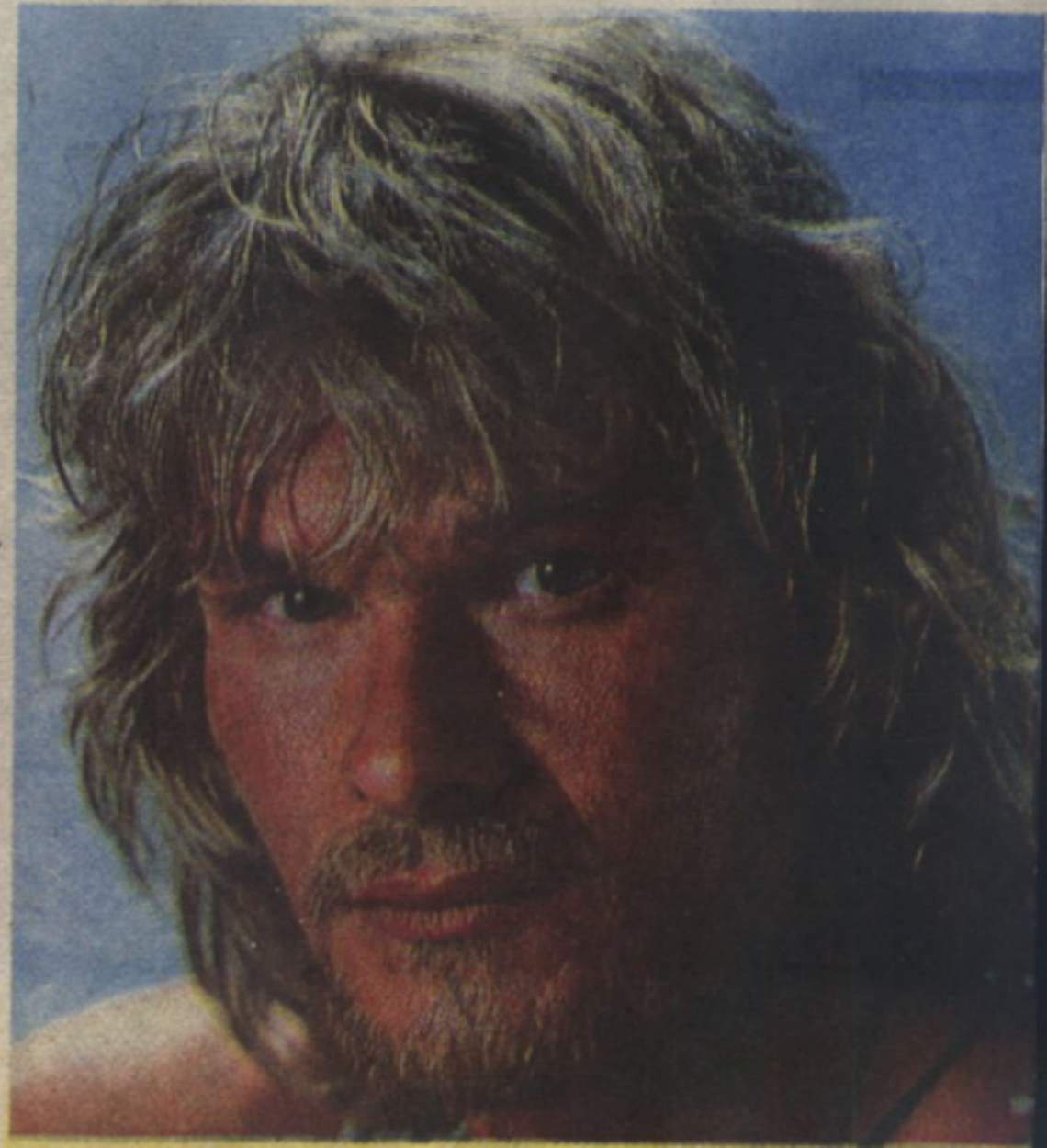
Попробовал себя в кино Майкл Хатченс из «INXS». Вначале роль в «панк-фильме» «Псы в космосе», и вот теперь он играет поэта Перси Биши Шелли в картине Роджера Кормена «Освобожденный Франкенштейн» — это тот самый случай, когда имидж певца совпадает с эстетикой его роли в кино.

Что же касается поющих актеров, то тут дело обстоит несколько сложнее. Конечно, наличие музыкального слуха для актера обязательно — иначе с ним никто и заниматься не будет. Однако попытки «пробиться в иную реальность» еще никому толком не удавались.

Поют Эдди Мерфи и Брюс Уиллис. Голосом Джима Моррисона поет Вэл Килмер — по крайней мере, пару вещей в фильме «The Doors» спел он сам. Под фонограммы Элвиса Пресли изображает Элвиса Кен Рассел. И вообще лавры Элвиса (который, кстати, киноактером оказался никудышным) не дают покоя многим, в том числе и Патрику Суэйзу. Два его альбома заметили лишь самые преданные фэны актера, и до «Грэмми» ему пока еще очень далеко.

Так что, получается, певцы в кино все же переигрывают актеров у микрофона...

Патрик Суэйз

SALT'N'
PEPA

М «MOTLEY CRUE» («Мотли крю»), группа «Пестрая компания» образовалась в 1981 г. в США.

Состав: Томми Ли (полное имя Томми Ли Бэсс), уд.; Мик Марс, гит.; Винс Нейл (полное имя Винсент Нейл Уортон), вок.; Никки Синкс (настоящее имя Фрэнк Карлтон Стерафино), бас.

Большинство музыкантов ко времени основания «М. к.» уже имели солидный опыт выступления в составах других групп: Синкс работал в популярных лос-анджелесских «London» и «Sister», которые подготовили немало кадров для ведущих групп англ. и амер. хард-рока; Ли играл в «Dealer» и аналогичных малоизвестных группах, а Нейл оттачивал мастерство в «Rock Candy».

Первоначально «М. к.» находилась под огромным влиянием столпов амер. глэм-рока «Kiss», что сказалось как на музыке, так и на имидже: сапоги на высоких платформах, грим, прически, «карнавальная» одежда и бижутерия. Таким образом «М. к.» стала одной из тех групп, которые открыли глэм-року 70-х второе дыхание. Постепенно «М. к.» высвобождалась из «оков» наследия «Kiss», и сейчас никто не возьмется проводить параллели между этими двумя группами, хотя «М. к.» ни в коем случае не отказалась от глэм-рока.

В 1981 г. появился первый сингл группы «Stick To Your Guns», успех которого оказался в какой-то мере неожиданным. С этого момента начинается отсчет «новой волны» амер. глэм-рока. Сразу же после выхода сингла группа записывает дебютный альб., который практически сразу же был переиздан во всем мире. Пресса заинтересовалась новыми героями рока — регулярные скандалы, сопровождавшие карьеру группы, лишь способствовали популярности «М. к.» (многие полагают, что они раздуваются специально с этой целью).

Успех второго диска уже не был неожиданностью. Музыка «М. к.» стала более жесткой и заметно убыстрилась. Вслед за выходом второго альб. последовали первые серьезные гастроли: «М. к.» подтвердила свою высокую репутацию, а о Ли заговорили как об одном из сильнейших барабанщиков рока. Выступления в Европе и Японии принесли группе мировую известность, а в 1984 г. «М. к.» пригласили на фестиваль «Монстры рока», проходивший в Германии.

В том же 1984 г. произошло событие, всколыхнувшее весь рок-мир: в автокатастрофе погиб барабанщик легендарной финской группы «Hanoi Rocks», музыка и эстетика которой оказала огромное влияние на развитие «второй волны» глэм-метал. Виновником катастрофы был признан Нейл, находившийся за рулем другой машины. Его приговорили к непродолжительному тюремному заключению и солидному штрафу.

В 1985 г. группа выпустила альбом «Helter Skelter», не вошедший в официальную дискографию и сейчас являющийся коллекционной редкостью, так как был отпечатан ограниченным тиражом и никогда не переиздавался. Летом того же года вышел диск «Театр боли», еще более укрепивший позиции группы.

Следующий альб. «Girls Girls Girls» появился в 1987-м — здесь наметился крен в сторону облегченного саунда и стилизации композиций под традиционный рок-н-ролл. Этот факт способствовал разрастанию армии поклонников «М. к.». Следующий студийный диск (1989 г.), как и предыдущий, имел феноменальный коммерческий успех, а десятилетие деятельности группа отметила выпуском сборника «Decade Of Decadence», уже успевшего обойти хит-парады всего мира.

Весной 1992 г. в муз. прессе появились сообщения, что бессменный вокалист «М. к.» Нейл серьезно болен и выходит из состава группы. Затем информация о болезни была опровергнута, но слухи о желании певца заняться сольной карьерой продолжали ходить. Музыканты «М. к.» обвинили Нейла в чрезмерном увлечении автогонками, что, по их мнению, не способствует творческому росту группы, — сам же Нейл, наконец, подтвердил факт выхода из состава, объяснив это различием взглядов на новое музыкальное направление, которое намерена разрабатывать группа.

Пл.: Too Fast For Love, 1981 (в 1982 г. переиздана во всем мире); Shout At The Devil, 1983; Helter Skelter, 1985 (в официальную дискографию не входит); Theater Of Pain, 1985; Girls Girls Girls, 1987; Dr Feelgood, 1989; Decade Of Decadence, 1991 (сборник).

«MOTORHEAD» («Моторхэд»), группа «Одержимый автомобилями» образовалась в 1975 г. в Великобритании.

Исходный состав: Лемми (наст. имя Иэн Килмистер), бас, вок.; Ларри Уоллис, гит.; Эдди Кларк, гит.; Лукас Фокс, уд.

У истоков «М.» стоял незаурядный бас-гитарист Лемми, в середине 60-х работавший в группе «Rocking Vicars», позже в качестве бас-гитарного роуди сотрудничавший с группой Джими Хендрикса, а затем выступавший в составе «Sam Gospel» и «Opal Butterfly». С 1971 по 1975 г. он играл в англ. группе психоделического арт-рока «Hawkwind», по выходе из которой организовал «М.».

Благодаря участию в «Hawkwind» Лемми удалось получить контракт на запись с фирмой United Artists, но разногласия среди музыкантов не позволили воспользоваться этим благоприятным обстоятельством, и после ряда изменений состава «М.» выпустила свой дебютный диск на независимой фирме (альб., который группа готовила для UA, появился лишь в 1979 г.). Успех этой пл. привлек фирму Bronze Records, которая до 1984 г. дала приют «М.».

Остроумные мелодические решения в стилистике хард-рока (в котором уже тогда просматривались элементы трэш-метал), акцентированная ритм-секция и чисто джазовые приемы Лемми — такие, как арпеджио и слэп, — позволили «М.» в кратчайшее время стать одной из ведущих групп тяжелого рока. В 1983 г., после ухода Кларка, «не потянувшего» на двух работах — он сотрудничал и с группой Уэнди О'Уильямс, — «М.» записала один из самых слабых дисков («Another Perfect Day»). Группа сумела восстановить пошатнувшуюся репутацию лишь в 1986 г., после выпуска отличного альб. «Orgasmatron», успех которого в 1987 г. закрепила пл. «Rock'N' Roll».

Претерпев множество изменений состава и выпустив громадное число сборников, «М.» по-прежнему остается одним из лидеров хард-рока, умудряясь преуспевать как в «чистом хард-н-хэви», так и в пограничных жанрах, таких, как трэш-спид- и пауэр-метал.

РРР вне очереди

Просыпаясь утром, средний американец слышит из радиобудильника хит «I love your smile». Днем, отправляясь за покупками, он слышит его во всех магазинах, а вечером и сам напевает... И каждый уже знает имя новой восемнадцатилетней «королевы соула» Шенайс.

Пока у Шенайс всего две и не очень-то королевские слабости: красивая яркая одежда и мягкие плюшевые игрушки, заполонившие ее комнату в доме под Лос-Анджелесом, где она живет вместе с мамой, бывшей певицей, не оставившей сколь-нибудь заметных следов в музыкальной истории США, тетей и бабушкой. Певица знаменита, красива и бесконечно скромна. В роли семейной блюстительницы нравов выступает бабушка, неотступно сопровождающая внучку-звезду во всех гастролях и на пресс-конференциях (правда, послушная Шенайс иной раз не отказывает себе в удовольствии улизнуть от бабули и отправиться одной на дискотеку). Недавно вышел новый сингл Шенайс «I'm crying», она готовится к большому гастрольному турне и вообще жизнью и карьерой своей вполне довольна.

SHANICE

Пл.: Motorhead, 1977; Bomber, 1978; Overkill, 1979; Ace Of Spades, 1980; On Parole, 1980 (фактически, первый альб.); Golden Years, 1980 (EP — сборник); St Valentine's Day Massacre, 1981 (EP — с группой «Girlschool»); No Sleep 'Till Hammersmith, 1981 (Live LP); Beerdrinkers, 1982 (EP); Iron Fist, 1982; Another Perfect Day, 1983; What's Words Worth?, 1983 (Live LP — сборник); Orgasmatron, 1986; Born To Loose, 1986 (сборник); Anthology, 1986 (сборник); Anthology Volume One, 1986 (сборник — только на компакт-диске); Best Of Motorhead, 1986 (сборник); Rock'n'Roll, 1987; Eat The Rich, 1987 (mini-LP); No Sleep At All, 1989 (Live LP); Blitzkrieg On Birmingham, 1989 (Live LP); Collection, 1990 (сборник); Birthday Party, 1990 (Live LP — запись концерта 1985 г.); From The Vaults, 1990 (сборник); Dirty Love, 1990 (Live LP); Lock Up Your Daughters (Live In St Albans), 1990 (Live LP); 1916, 1991.

Изменения состава: 1975 — Кларк; 1976 — Уоллис, — Фокс, + Кларк, + Фил Тейлор, уд.; 1982 — Кларк; 1983 + Брайан Робертсон, гит.; 1984 — Робертсон, — Тейлор, + Пит «Вюрцель» Берстон, гит., + Фил Кемпбелл, гит., + Пит Гилл, уд.; 1987 — Гилл, + Тейлор.

«MOTT THE HOOPLE» («Мотт зэ Хупл»), группа «Мотт-Непоседа» образовалась в 1969 г. в Великобритании.

Исходный состав: Стэн Типпенс, вок.; Мик Ралфс, гит., вок.; Оуверенд Пит Уоттс, бас; Дейл «Баффин» Гриффин, уд.; Верден Аллен, клав.

Во второй половине 60-х бывшие одноклассники Ралфс, Аллен, Уоттс и Гриффин сформировали группу под названием «Silence With Allen And Ralphs». Подписав контракт с фирмой Island, музыканты перебрались в Лондон, где к ним присоединился вокалист Типпенс — сменив название на «М. з. Х.» — это имя главного героя одноименного романа Уилларда Мануса, — гр. приступила к записи дебютного альбома, который продюсировал Гай Стивенс. Уже в процессе работы над пл., где-то в июле 1969 г., Типпенс выбыл из состава (впоследствии он стал роуд-менеджером «М. з. Х.», а позже работал с «Pretenders»), и его место занял Иэн Хантер.

Диск появился в августе 1969 г. и сразу же привлек внимание специалистов необычным саундом — это было что-то среднее между жестким роком в духе хард-композиций ранних «Procol Harum» и шероховатым барокко а-ля Боб Дилан.

SHANICE

Рок - Энциклопедия Ровесника

Следующий диск был сделан в соответствии с традициями того времени и большого успеха не имел. Третий альб., ориентированный на кантри, вообще провалился, хотя там были весьма оригинальные аранжировки вещей Мелани и Литтл Ричарда.

Несмотря на достаточно вялую продажу дисков, «М. з. Х.» довольно быстро оказалась среди лидеров по сборам от концертов, — в начале 1971 г. выступление группы в Алберт-холле прошло как нельзя удачно, с ломанием стульев и массовой истерией — в результате администрация зала на некоторое время отказалась от приглашения исполнителей рока. После выхода четвертой пл. группа уже была на грани распада, но, к счастью, в дело вмешался Дэвид Боуи и переориентировал музыкантов на глэм с рок-н-рольной «подкладкой», следствием чего стало кардинальное изменение имиджа «М. з. Х.».

В июле 1972 г. сингл «All The Young Dudes» (автор Д. Боуи) возглавил англ. хит-парад, а вышедший в сентябре того же года одноименный альб. произвел фурор в США, став на полгода лидером национального хит-парада.

Пл. 1973 г. «Mott» развила успех предшественницы — эта концептуальная работа повествует о борьбе за успех, о взлетах и падениях, которыми изобилует стезя человека искусства; одновременно в Англии вышла книга И. Хантера «Дневник рок-звезды».

Но, несмотря на успех, группа начала распадаться: первым ушел Аллен — его не устраивало, что участники «М. з. Х.» неизменно отказывались от его авторских композиций. За ним последовал Ралфс (он присоединился к «Bad Company», и вещь, от которой отказалась «М. з. Х.», стала первым хитом его новой группы). Хантер пригласил известного гитариста Лутера Гроувнора (экс-«Spooky Tooth» и «Stealer's Wheel»), — войдя в состав «М. з. Х.», он взял псевдоним Ариэль Бендер. Новый состав успешно выступил в Нью-Йорке (май 1974), и дела снова пошли в гору.

Однако начавшийся распад уже невозможно было остановить: в конце 1974 г. Бендер покинул группу и на его место был приглашен Мик Ронсон, который практически сразу же выбыл из состава, сумев при этом соблазнить сольной карьерой и Хантера.

Название было сокращено до «Mott», вместо выбывших музыкантов появились два новых, но пара вышедших вслед за этим альб. оказалась настолько неудачной, что «М.» ничего не оставалось, как официально заявить о распаде.

Наиболее удачной оказалась сольная карьера И. Хантера. Он перебрался в Нью-Йорк, где записал ряд удачных — и коммерчески, и музыкально — альб. с М. Ронсоном. Музыкант предпринял ряд гастрольных поездок по Англии и США и в 1980 г. собрал группу, в которую, кроме него и Ронсона, вошли Том Моррингелло, гит. и Джордж Мейер и Том Манделль — оба клав. Впоследствии Хантер добился успеха как продюсер для Эллен Фоли и «Generation X». В конце 80-х он вновь объединился с Ронсоном и записал мощный хардрокерный альб., вошедший в хит-парады практически всех «тяжелых» изданий.

Пл.: Mott The Hoople, 1969; Mad Shadows, 1970; Wild Life, 1971; Brain Capers, 1971; Rock And Roll Queen, 1972; All The Young Dudes, 1972; Mott, 1973; The Hoople, 1974; Mott The Hoople Live, 1974 (Live LP); Pop Chronik, 1975 (сборник); Greatest Hits, 1976 (сборник); Two Miles From Heaven, 1980 (сборник).

(Под названием «Mott»): Drive On, 1975; Shouting And Pointing, 1976.

Изменения состава: 1969 — Типпенс, + Иэн Хантер, вок.; 1973 — Аллен, — Ралфс, + Морган Фишер, клав., + Ариэль Бендер, гит.; 1974 — Бендер, + Мик Ронсон, гит.; — Хантер, — Ронсон; 1975 — название изменено на «Mott»: + Рэй Мейджор, гит., + Найджел Бенджамин, вок.

Иэн Хантер соло: Ian Hunter, 1975; All American Alien Boy, 1976; Overnight Angel, 1977; You're Never Alone With A Schizophrenic, 1979; Shades Of Ian Hunter — The Ballad Of Ian Hunter And Mott The Hoople, 1980 (сборник); Welcome To The Club, 1980 (Live LP); Short Back 'N' Sides, 1981; All The Good Ones Are Taken, 1983; Teachers, 1985 (и фильму; И. Х. — 1 вещь); Fright Night, 1986 (и фильму; И. Х. — 1 вещь); Light Of Day, 1988 (и фильму; И. Х. — 1 вещь); YUI Orta, 1989/1990.

«British Lions» (Гриффин, Уоттс, Фишер, Мейджор): The British Lions, 1978; Trouble With Women, 1980.

НАСЛЕДИЕ ДЖИМА MORRISONA И «THE DOORS»

Майкл Гилмор,
американский журналист

Почти четверть века назад, в самый разгар поисков рок-музыкой своего лица и в период становления новой общности людей — молодежи западного мира как «особого сословия», — группа «The Doors» превратилась в американский символ апокалипсиса, о приближении которого мы тогда еще и не думали. И в самом деле, беспрецедентный и ошеломляющий дебютный альбом квартета из Лос-Анджелеса в одно мгновение разрушил мечты и надежды на совершенство ближайшего будущего. В то время как «The Beatles» и группы с Западного побережья Америки экспериментировали со звуком и возводили наркотики в идеал, которым, как им казалось, спасется человечество, «The Doors» выпустили пластинку, поднимающую темы насилия и вселенского страха — их прогноз на будущее был откровенно пессимистичным. Вне всякого сомнения, «The Doors» — и прежде всего лидер группы мрачный красавец Джим Моррисон — сумели понять правду той эпохи, ту истину, которую безуспешно искали все остальные, но так и не нашли: мы живем в опасное время, сказали члены «The Doors», и опасность его не только в том, что молодежная культура подвергается гонениям за отрыв от идеалов и ценностей отцов. Моррисону удалось выразить мысль о том, что опасность исходит и «изнутри» самого поколения «детей цветов». Сейчас уже совершенно ясно, что Моррисон вывел своего рода «правило поколений»: любое поколение, которое считает для себя возможным — и необходимым — полную и абсолютную свободу, тем самым как бы получает и лицензию на саморазрушение. Сознание этого постоянно подпитывало творчество Джима Моррисона, более того, оно сделалось его жизненным кредо.

Таким образом, когда в экспериментальной мини-опере «The End» («Конец») Моррисон пропел о желании убить отца и вступить в связь с матерью, он не только — и не столько — поставил под сомнение христианскую мораль, но и добился того, что это сомнение прозвучало убедительно и оправданно. Лирика Джима Моррисона в гораздо большей степени, чем даже произведения Боба Дилана или «Роллинг стоунз», настаивала на предательстве старшим поколением

своих детей — и, «по Моррисону», это предательство требовало возмездия. Поэтому неудивительно, что музыка «The Doors» (и, в частности, композиция «Конец») приобрела для сражавшихся во Вьетнаме молодых американцев столь зловеющий и трагический смысл: в той проклятой войне поколение выживших из ума стариков послало своих детей на бойню, и сделало это во имя своего возведенного в абсолют страха. Другие группы пытались подготовить слушателей к жизни в мире надежд и любви — «The Doors» создавали песни, которые должны были символизировать наступление эры хаоса и массового уничтожения.

И вот теперь, поколение спустя — когда в родной Америке кампания по борьбе со свободой творчества (речь идет о попытках контролировать и цензурировать тексты произведений рок-музыки. — Пер.) достигла апогея, и когда молодые американцы снова были вынуждены воевать за пределами родной страны — Джим Моррисон приобрел в глазах рок-фэнов настолько ослепительный ореол героя и мученика, что сияние его затмило прижизненную славу певца. Судя по фильму «The Doors» Оливера Стоуна — это самая амбициозная, помпезная и эпическая лента среди всех кинопроизведений о рок-культуре и ее противоречиях, — складывается впечатление, что группа все же выиграла свою битву с официозом и последнее слово — откровенно грубое — осталось за нею. Однако в конце 60-х это утверждение показалось бы крамольным. Сейчас, с расстояния в двадцать пять лет хорошо видно, что предельной ясности группа добилась именно в своем первом альбоме. К моменту выхода второй пластинки «Strange Days» («Странные дни», октябрь 1967 года)

музыка «The Doors» в значительной степени лишилась своего нерва. То, что сделало предыдущую работу шедевром — ненасытность и всеядность, точность оценок, бьющая наповал агрессивность текстов — все это теперь уступило место мелодраматизму и весьма плоскому и невыразительному эпатажу. Складывалось впечатление, что музыкальное видение мира, еще недавно столь ясное, временами шокирующее, но неизменно — оригинальное, теперь замутилось и в творчестве появились элементы самопародии.

К тому времени и сам Моррисон погряз в наркотиках и алкоголе, его неконтролируемые поступки оказывали разрушительное действие не только на самого Джима, но и на группу, друзей, семью. Безусловно, отчасти поведение Моррисона объяснялось вошедшим в моду нарциссизмом — в конце 60-х поп-звезды часто афишировали свое пристрастие к наркотикам, демонстративно отвергали общественную мораль и любыми способами старались доказать свою «особость». Иногда дерзость и эпатаж носили исключительно театральные характер, хотя в некоторых других случаях — как, например, инцидент в декабре 1967 года, когда Моррисона арестовали прямо на концерте за то, что он со сцены заявил о зверствах полицейских офицеров по отношению к обслуживающему персоналу концертного зала — подобные жесты подавали пример аудитории, и зрители смелее высказывали свои политические взгляды. Однако в большинстве случаев чрезмерно эмоциональное поведение Джима Моррисона было скорее не модной тогда бравადой, а признаком бьющего через край высокомерия певца и его распадающегося «я».

Другими словами, всеподавляющая страсть Моррисона к разрушению подпитывалась куда более страшным топливом, нежели просто артистические и политические амбиции, и в марте 1969 года, во время знаменитого концерта в Майами, эта горькая правда была продемонстрирована во всей своей неприглядности. В киноверсии Оливера Стоуна этот концерт показан отчасти и карнавалом, и пародией — и хотя, видимо, так оно было на самом деле, большинство свидетелей говорят о шоу как о бытовом хулиганстве с уклоном в патетику. По расписанию «The Doors» должны были начать свою программу в 22.00, однако из-за разногласий с организаторами выступление было отложено почти на час. К тому времени, когда группа появилась на сцене, Джим Моррисон был уже мертвецки пьян, а его призывы к публике «давайте выпьем еще, теперь все вместе!» лишь задерживали начало концерта. В конце концов «The Doors» сыграли пару вещей, но Моррисон оборвал песню на полуслове и принялся бегать по сцене, уговаривая «почтеннейшую публику» вначале сделать «хоть самую паршивую революцию», а потом изо всех сил любить его, прекрасного Джима Моррисона, вождя «паршивой революции». Потом он расстегнул «молнию» своих потертых кожаных джинсов и пообещал зрителям показать «нечто достойное внимания». (Удивительно, но, несмотря на то, что на концерте присутствовали более десяти тысяч человек, включая членов группы и офицеров полиции, никто из них не может определенно сказать, выполнил ли Джим свое обещание.) Наконец, под занавес, Моррисон выволок на сцену одного из зрителей, щедро угостил его из двухлитровой бутылки водки, и концерт закончился одним из тех кошмаров, в организации которых Моррисону не было равных.

«Почтеннейшей публике» инцидент показался скорее просто неприличным — во всяком случае, дамы были не сильно шокированы, однако через несколько дней газета «Майами геральд» и некоторые политические деятели штата подняли страшный шум, обвинив певца в моральном разложении молодежи, следствием чего стал превентивный арест Моррисона. Гастрольное турне «The Doors» было прервано — как оказалось, навсегда. Но самое интересное заключается в том, что, несмотря на подымающуюся в печати бурю и следствие по делу об «оскорблении общественной морали», почти никто не понял истинного смысла поступка Джима Моррисона: это был акт отчаяния человека, разуверившегося в своем искусстве и потерявшего связь с окружающим его миром. В тот трагический вечер в Майами Джим Моррисон уже перестал понимать, что же ждет от него публика и что хочет он сам — потому он и предложил самый очевидный и несомненный символ

любви и мужской гордости, словно это и было источником его уверенности в себе. Вокалист одной из самых выдающихся групп в мире, всего лишь за два года до того считавшийся надеждой рок-музыки, ее героем и секс-символом — стал жалким алкоголиком и паяцем. Он нуждался в помощи, а не в дешетвом поклонении глупцов, которые писали — и пишут — о нем восторженные пространственные описания, не стоящие и мизинца этого человека; безусловно, не заслуживал он и иезуитского наказания в виде лишения свободы, на которое очень рассчитывали власти штата Флорида.

Моррисон так и не получил — или, по крайней мере, не принял — помощи, которая могла бы спасти его. К 1970 году «The Doors» превратились в машину шоу-индустрии с приличествующими такому механизму контрактами и долгами — истинное же предназначение группы было перечеркнуто «молнией» стареньких джинсов Джима Моррисона. Что было потом? За два года группа произвела на свет пять альбомов, в том числе и два наиболее впечатляющих с точки зрения студийной техники — «Morrison Hotel» («Моррисона») и «L. A. Woman» («Женщина из Лос-Анджелеса»), — удивительно ровные, «напоенные блюзом» работы, свидетельствовывавшие о том, что непостижимая лира Моррисона обрела новое звучание. В нем теперь преобладали «черный» юмор (что отразилось и в вокальной манере) и удивительно точная и лаконичная образность. Но если Моррисон наконец и отпустил поводья своего рок-н-ролла, предоставив «кесарю кесарево», то только потому, что понял: став «волшебной флейтой в устах Создателя», он лишился права на собственное мнение, голос и оценки.

В марте 1971 года Моррисон покинул «The Doors» и вместе со своей подругой Памелой Курсон уехал в Париж, сознательно обрывая духовные и физические связи с призраками рок-н-ролла, в надежде полностью посвятить себя поэзии. Возможно, через какое-то время он сумел бы наконец понять, что же именно случилось с ним и его поколением за последние несколько лет, когда идеализм 60-х сменился всеподавляющим страхом, пустотой помыслов и нигилизмом. Но Моррисон просто продолжал истязать себя алкоголем и, как свидетельствуют очевидцы, периодически впадал в депрессию: поэтический дар покидал его, и, понимая это, Джим лихорадочно работал. Однако то, что выходило из-под его пера в то время, скорее можно было назвать предсмертными записками, а не стихами.

И вот наступило 4 июля 1971 года. В пять часов утра Памела Курсон обнаружила тело Моррисона в ванной их парижской квартиры — на его залитом потом лице застыла мрачная улыбка. Вначале Курсон решила, что Джим разыгрывает ее. Но в то хмурое утро Моррисону было не до шуток. Памела протя-

нула руку и почувствовала, что кожа его холодна как лед. Джим Моррисон умер от сердечного приступа в возрасте двадцати семи лет, с улыбкой провалившись в черную пропасть, встречи с которой он искал так давно и где, как он всегда считал, ему будет легко и просто — в этом самом последнем и прекрасном убежище он надеялся обрести покой и уверенность в себе.

Вначале смерть Моррисона казалась и концом «The Doors». Годом раньше погибли Джими Хендрикс и Дженис Джоплин — тоже от алкоголя и наркотиков. И вот теперь гибель Джима Моррисона, предсказать которую, кстати, не составляло большого труда, раз и навсегда объяснила, какую цену приходится платить за героизм в рок-музыке и как сегодняшние «золотые мальчики» завтра могут оказаться выброшенными не только из своей среды, но и из самой жизни. И хотя выжившие члены «The Doors» — клавишник Рэй Манзарек, барабанщик Джон Дензмор и гитарист Робби Кригер — выпустили еще два альбома под прежним названием, они так и не оправившись от смерти своего вождя. Если даже Моррисон и был в определенной степени источником проблем для группы, он же был ее творческим символом; поэтому без него «The Doors» даже не сумели сохранить репутацию.

Сегодня, через двадцать один год после смерти Моррисона, «The Doors» приобрели популярность, не уступающую той, которой группа пользовалась в годы своей славы — вполне возможно, что будь Джим жив и вернулся он в группу, эта популярность не была бы столь однозначной. Истоки повышенного интереса к «The Doors» следует искать в середине и конце 70-х, а также среди тех событий, которыми было окружено возникновение и становление панк-рока. К 1976 году большинство юных поклонников рок-н-ролла и сами музыканты начали понимать, что поп-мир уже лишился связи с миром реальным и растерял всю свою энергию, а вместе с ней и нахальство — подавляющее большинство исполнителей, появившихся на сцене в 70-е годы, и великие старики, пережившие 60-е, стали слишком осторожными, они были озабочены лишь привилегиями своего звездного статуса, что привело к возникновению «железного занавеса» между слушателями и их кумирами. Панк заставил переосмыслить историю рок-музыки, и в результате часть самых бескомпромиссных групп конца 60-х — такие, как «The Doors», «The Velvet Underground», «MC5» и «The Stooges», каждая из которых за свою короткую карьеру поднимала весьма неприятные и щекотливые вопросы и делала это не самым благопристойным образом, — стали настоящими символами и легендами рока, популярность их сегодня безгранична, и практически все совре-

менные музыканты называют эти группы своими «крестными отцами».

Своим возрождением «The Doors» обязаны и Фрэнсису Форду Копполе, который использовал музыку группы в фильме «Apocalypse Now» («Апокалипсис сегодняшнего дня»). Пожар в джунглях Вьетнама под завораживающие звуки «The End» ставит все точки над «и» самые выдающиеся вещи «The Doors» изначально представляли собой «саундтрек» (звуковое сопровождение к фильму. — Пер.) к одному из самых впечатляющих и поучительнейших примеров современного ада. И, наконец, своим возвращением к слушателю «The Doors» обязаны и книге Джерри Хопкинса и Дэнни Шугармена «Живым отсюда никто не уйдет». Главная идея этой хронологии жизни и смерти Джима Моррисона — идея, которой воспользовался и Оливер Стоун, — сводится к следующему: «Джим Моррисон был Богом». Этот таинственный певец смерти, поэт хаоса и абсурда стал к тому же и героическим примером мудрости, которую можно обрести, лишь живя на грани смерти.

Иными словами, Джим Моррисон был очень незаметно реабилитирован, превратившись сегодня в одного из наиболее почитаемых и безусловных героев 60-х. Отчасти это произошло потому, что несколько человек сделали ставку на наследие Моррисона — они поняли, что эксплуатация истории и творчества Моррисона и «The Doors» может не только принести доход, но сделаться отправной точкой карьеры. Но самое интересное заключается в том, что никто не может ответить на вопрос: почему «воскрешение» Джима Моррисона так удачно и органично «легло» на энтузиазм рок-фэнов последнего десятилетия? Можно сформулировать этот вопрос иначе: что находят в Джиме Моррисоне современные любители рока, что им нужно от него, что же это такое, чего им не могут дать музыканты их собственного поколения? В конце концов нас уже почти убедили, что сегодняшняя эпоха гораздо более консервативна, а современная молодежь — консервативнее своих ровесников из 60-х. Если все это так, то почему огромное число молодых людей сегодня боготворит артиста, который был законченным гедонистом и даже нигилистом?

Истина же заключается в том, что Джим Моррисон — идеальный радикальный герой именно для эпохи консерватизма. И пусть он прожил жизнь под знаком бунта и неповиновения, его протест был глубоко личным, персональным — своими корнями он уходит в детство, проведенное в семье с глубокими милитаристскими и аристократи-

ческими традициями (отец его был адмиралом. — Пер.). Таким образом модель мятежника, которую создал Моррисон, любима и почитаема современными рок-фэнами за чисто внешнее мужество, за внешний героизм, — который не имел ничего общего с истинным героизмом этого человека.

Очень часто протест Моррисона принимал форму откровенного пренебрежения и высокомерия — ему было совершенно безразлично, что его поведение и приступы гнева могут оскорблять не только прямолинейных моралистов, но и быть причиной крушения надежд тех людей, которые искренне любили его и в определенной степени зависели от него. Короче говоря, Моррисон «безобразничал» скорее бессознательно и, к сожалению, возможно, именно эти его черты вызывают наибольшее восхищение поклонников рока. Некоторые музыканты (например, из группы «Guns N'Roses») в качестве модели поведения тоже избрали для себя бравату, которая, как им кажется, делает их настоящими бунтарями. Но всем им далеко до Джима Моррисона: он был не только мятежник, но и Художник, любивший обращаться к своим слушателям: «Не знаю, как вы, а я лично собираюсь веселиться, пока этот вонючий сарай не рассыплется в труху». Вряд ли это послание можно расценивать как очень радикальное, поскольку радикализм предполагает определенные изменения в самом обществе — в каком-то смысле это всего лишь продолжение сумрачной философии эгоизма, которая с недавних пор стала символом эры Рейгана — Буша. А ведь в наши дни другие звезды рока пытаются привлечь аудиторию к конкретным гуманитарным и политическим аспектам бытия, многочисленным кумиры, определяющие поведенческие нормы в обществе, и общественные деятели призывают молодежь к умеренности и ясному осмыслению действительности, — однако очень многих поклонников рока эти призывы оставляют равнодушными. А миф о молодом поэте и вольнодумце — который исследовал границы личной свободы и страдал от непонимания не только со стороны благонравного американского истеблишмента, но и со стороны своей семьи, друзей и рок-культуры в целом, который умер, потому что просто не сумел так жить и не смог обрести желанной и заслуженной любви, — слишком хорош и слишком соблазнителен, и ни один биограф не может устоять перед возможностью либо романтизировать Джима Моррисона, либо использовать в собственных целях.

Поэтому было бы совсем неплохо,

если бы поклонники Моррисона и «The Doors» более критично осмыслили то, какими способами они демонстрируют свой восторг перед Джимом и почему его смерть кажется им столь привлекательной.

В конце концов, в определенном смысле смерть является неплохим консервантом творческого наследия Моррисона. Не надо забывать, что она пресекла дальнейшую деградацию поэта и певца: кто может предположить, как бы он повел себя спустя год, два? И, кроме того, гибель смягчила кошмары последних лет его жизни, отодвинула их на второй план. Это похоже на сделку с Небесами: если ты, Джим Моррисон, наберешься мужества достойно умереть, тебя навсегда запомнят молодым, талантливым, красивым, тебе простят все твои «вывихи», твою безжалостность к ближнему, твоё пьянство — все забудут безумного социопата (человек, находящийся в разладе с обществом, склонный к антиобщественным поступкам. — Пер.) и начнут слагать легенды о выдающемся поэте-мистике. Плюс блестящая перспектива искупительной жертвы. Если вам нравится, вы можете сколько угодно восхищаться тем, кто жил полной жизнью и умер в самом ее расцвете, отвергнув медленное угасание: Моррисон спас своих слабонервных поклонников от мук добровольного и сознательного отречения от Бога.

Поэтому Джим Моррисон и умер, а потом, с помощью своих бывших друзей, членов группы и биографов, восхитительным образом воскрес: при таком «воскрешении» певец и его группа никогда не разочаруют нас, потому что не будет новых песен, новой музыки, нового искусства, не будет новых посланий, по которым мы могли бы судить об их творческом росте или о нашем соответствии идеалу. Короче говоря, это было такое возвращение Джима Моррисона, при котором он навсегда останется героем, его будут вечно любить, а его музыку — тиражировать.

И все же не будем лишать Джима Моррисона его посмертной славы: если даже он и был слишком возвышенным и эгоистичным, чтобы безоговорочно соответствовать роли героя 60-х, он, несомненно, совпал с чаяниями и устремлениями последнего десятилетия. Неважно, что он променял свой дар на наркотики, алкоголь, жестокость и возведенную в абсолют неуверенность в себе. И неважно, что он мертв. Неважно, потому что в самом конце смерть стала для этого героя рока единственным и самым желанным другом.

Перевел с английского
С. Настальский

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

КРУТИЗНА 55, ПЕРЕПАД ВЫСОТ — 600, ДЛИНА — 900 МЕТРОВ — таковы географические данные зловещей и коварной для альпинистов расщелины Паллацина, что на северо-восточном склоне самой высокой в Австрии горной вершины Гросглокнер. Ну так что: будем жмурить глазки от ужаса и слепящей белизны альпийских снегов или спускаться? «Будем спускаться!» — сказал себе австрийский альпинист-экстремист Вольфганг Муксель и ринулся в зияющую пропасть... на скейтборде, оставляя за собой шлейф из осколков снежного наста и льда. Одно неверное движение, малейшее нарушение баланса означали смерть. Но, к счастью, спуск завершился успешно. Даже братья-скалолазы называли это самоубийственной авантюрой. Но у Мукселя есть много последователей и почитателей, готовых пропеть свою песню безумству храбрых.

ТЕРМИНАТОР, КИС-КИС! Жил-был мало кому известный актер Роберт Патрик и даже уже не надеялся выбраться из «третьей лиги» Голливуда: снимался в проходных ролях в проходных фильмах, маялся мыслью, чем прокормить семью, и т.п. Как вдруг Арнольд Шварценеггер предложил делать «Терминатора-2», в котором сам Арнольд стал бы хорошим киборгом, а кто-нибудь другой — плохим киборгом. Роберту Патрику повезло — он прошел пробы на роль нового убийцы-терминатора и приступил к подготовке.

И кто, как вы думаете, стал его учителем? Любимый кот Джетт. Роберт часами наблюдал за повадками Джетта, учился его немигающему пристальному взгляду, копировал кошачьи движения, добиваясь специальной пластики. И вот теперь Роберт Патрик тоже знаменитость. Но благодарная знаменитость всегда снимается для журналов вместе со своим педагогом.

ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО С ПРОШЛОГО ГОДА ВО ФРАНЦИИ запрещен традиционный национальный вид спорта — швыряние карликов. Сделано это было под давлением общественности, обеспокоенной соблюдением прав граждан невысокого роста. Однако сами герои обеспокоенности взволнованы другим: этот запрет, как считают они, нарушает их человеческое право на... работу. Многие карлики, неплохо зарабатывавшие полетами на недалекие дистанции, остались не у дел и выдвинули альтернативное предложение: они станут надевать защитные костюмы и работать метательными снарядами не более получаса в день.

ЧТО ГОВОРЯТ!

Мел БРУКС, американский комедийный актер и режиссер: «Я вырос в очень бедной семье. Мы были так бедны, так бедны, что даже рожать меня пришлось соседке!»

Кейт БУШ, английская певица: «Вы что, полагаете, я могу сидеть за роялем и сочинять песни, если у меня белье не стирано и полна раковина грязной посуды? Ой, не ходите вы, певицы, замуж...»

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

БЫТЬ ЗДОРОВЫМ — ЭТО ПРОФЕССИОНАЛЬНО. Завидки берут, как взглянешь на этих юных леди — и собою хороши, и успеха вон уже как рано добились, и живут, наверное, ни в чем себе не отказывая. Но терзаемые завистью девушки вряд ли подозревают, в каком жестоким режиме живут настоящие звезды: они не могут позволить себе не то что излишеств, но и болезней. Итак, «рецепты здоровья» звезд (звезды на фото — слева направо).

Кристин ХЭЙ (киноантриса): «Главное — думать о людях хорошо и о событиях в положительном ключе. Стоит мне поддаться злым мыслям, я тут же заболела, это я знаю точно».

Дженни БЕК (телезвезда): «Красота начинается изну-

три, поэтому я ем только здоровую пищу — салаты. И хотя я очень люблю шоколад, я знаю — стоит съесть хоть кусочек, у меня начнет болеть голова. А с большой головой какая работа?»

Пола АБДУЛ (певица): «Из дурного настроения — причины, как я считаю, всех болезней — я выхожу при помощи физических упражнений. Я и так много занимаюсь в танцклассе, но когда чувствую, что загрустила, — удваиваю усилия».

Тори СПЕЛЛИНГ (киноантриса): «Ужасно боюсь любых таблеток — даже аспирин. Я пью травяные чаи, по примеру мамы. Она всю жизнь лечится травами, и вы бы видели, как она выглядит!»

НУ ОЧЕНЬ ПОХОЖЕ НА «ФОРМУЛУ-1», только это гонки на «мельницах» — самодельных машинках без мотора, спускающихся с двухметровой горки и несущихся по гладкому асфальту по инерции. Кто дальше уедет, тот победит. Раньше машинки делались из досок и колес от старых тачек, а юные гонщики давали расписку в том, что все сделано собственными руками. Теперь «мельницы» делают их более честолюбивые и азартные отцы из различных пластмасс и ценных пород дерева.

Соревнования проводятся по всей стране, доставляя участникам и зрителям неопишное удовольствие. А на такое дело и спонсоры денег не жалеют. Так, например, на соревнованиях в городке Ной-Вульмсдорф (что-то вроде германского Урюпинска) спонсорами стали парикмахерские салоны. Перед соревнованиями всех гонщиков красиво подстригли. Бесплатно, разумеется.

НУШУ — ЭТО ЯЗЫК, который, по оценкам историков, появился от тысячи до двух тысяч лет назад и на котором общались только... женщины. «А мой-то, мой...» — ну как рассказать, что натворил твой, чтобы он об этих разговорах не догадался? И тогда дамы придумали свое собственное иероглифическое письмо, а послания записывали на веерах — обмахиваясь себе лениво в присутствии мужа, а подружка уже все знает!

Сегодня тайна известна лишь немногим старым женщинам. Но профессор Чен Киханг смог уговорить их раскрыть значение иероглифов.

СБЫЛАСЬ МЕЧТА ЭДЖИДО ПАЛЬМИЕРИ — еще в 1942 году он «заболел» идеей создания в Италии Академии циркового искусства, и вот теперь, полвека спустя, школа заработала. В основу учебной программы положен опыт других стран (в том числе и нашей), однако кое-что Пальмиери усовершенствовал: например, математику ребята учат, вися вниз головой на трапеции, а риторике — жонглируя и шариками, и словами. Необычен и состав учеников. Как правило, это не дети из цирковых семей, которые и так обучаются ремеслу с малолетства. Эта школа — для мечтателей, таких же, как их директор. Педагоги-мечтатели берут за обучение минимальную плату и живут за счет своих сбережений, накопленных тяжким трудом под куполом цирка. Они верят: цирку быть, когда такие люди в стране итальянской есть.

... что говорят... что пишут... что говорят... что пишут...

ЖИРТРЕСТ

Водители грузовиков, едущие по скоростному шоссе Массачусетс — Нью-Йорк, обычно останавливаются перекусить в кафе возле городка Вест-Стокбридж. В этом кафе подают высококалорийные, с большим содержанием углеводов блюда: мясной рулет с луковым соусом, солонину с овощами и подливкой, оладьи с беконом или кленовым сиропом, тройные гамбургеры с жареным картофелем... Это — еда для людей, занимающихся тяжелым физическим трудом, еда рабочей Америки.

А всего в четырех милях от Вест-Стокбриджа живут потенциальные клиенты, которые могли бы принести маленькому кафе огромную прибыль: большинство обитателей лагеря Кингсмонт сочло бы мясной рулет воплощением неземного блаженства. Однако видит око, да зуб — увы...

Кингсмонт — это лагерь для подростков, желающих похудеть. Каждое

лето здесь живут триста ребят в возрасте от 8 до 18 лет. В лагерь их посылают родители, которые надеются таким образом приостановить разрушительное воздействие образа жизни, характерного для американских подростков. Результат 10-месячного переедания, гиподинамии и лени некоторые ребята могут исправить за семь недель, если они соблюдают «разгрузочный» режим — активные занятия спортом, лекции по диетологии и жесткий контроль за питанием.

Руководят лагерем педагоги и диетологи, возглавляемые Джанет и Диком Рорбахером. Дик — выпускник военной академии Вест-Пойнт, человек атлетического сложения и с чисто американским взглядом на жизнь. Глядя на него, трудно поверить, что когда-то он весил около 100 килограммов. «Я был еще толще, чем они», — говорит Дик, показывая на группу си-

дящих на траве ребят. Рорбахер основал лагерь вместе с доктором Лойдом Эплтоном, который имеет титул серебряного призера Олимпийских игр 1928 года по борьбе. Теперь доктору восемьдесят два, но он по-прежнему в отличной форме. Большую часть времени «док» проводит за разговорами с ребятами: «Принцип существования этого лагеря — ЛЮБОВЬ. И не надо бояться произносить это слово. Я хочу, чтобы лагерь был озарен светом доброты».

В беседу включается Рорбахер: «Американский ребенок сталкивается с очень серьезной проблемой — у него просто нет возможности активно двигаться. В большинстве школ нет игровых площадок, а в каждом доме — лифт. Единственный «вид спорта», которым занимается большинство американских детей, — это ходьба на короткую дистанцию: телевизор — холодильник».

В Кингсмонте же холодильники надежно упрятаны, и дети не имеют к ним доступа, так как даже кратковременный «поход» к холодильнику свел бы на нет результаты строгой диеты (1500 калорий в день). Правда, изредка случается, что кто-нибудь и отважится преодолеть четыре мили до кафе у автостоянки. «Да, бывает и такое», — говорит Майкл Фридман, воспитатель в лагере, а в прошлом его пациент. — Но мы делаем все от нас зависящее, чтобы этого не произошло. Иногда мы идем по следу до самой закусочной и смотрим, как беглец заказывает еду. И в тот самый момент, когда ему подают гамбургер, мы выходим из укрытия. Реакция на наше появление варьируется от «Пошли вы все к черту» до «Спасибо». Дети не хотят быть толстыми и прекрасно понимают, что если кого и обманывают, то только себя».

В распорядке дня Кингсмонта еда занимает важное место. Дети и воспитатели едят вместе и одно и то же. Воспитатели подают пример, съедая такие же маленькие порции. А с утра ребята строятся вокруг флага по отрядам, сформированным «по возрасту» и «по весу». Тот отряд, чьи комнаты лучше убраны, вознаграждается сполна — они едят первыми, ну, а грязнули — последними. В столовой порции строго отмеряются дежурными по кухне. Сегодня, например, ужин состоит из вареной трески и мизерной порции картофельного пюре. Салат можно брать в неограниченном количестве, но он без заправки. Общая беда сплачивает. Во время ужина ребята вслух мечтают о шоколадках, конфетах, пирожных, обсуждают строгий режим лагеря, называя его между собой «жиртрест». К большому разочарованию руководства, группа «смутьянов» посвящает меня в тайны лагерной жизни. Например, звонить по телефону можно только в присутствии воспитателя. Они также убеждены, что воспитатели просматривают их почту,

чтобы ни одна конфетка не попала на территорию лагеря. Вся контрабанда незамедлительно конфискуется. Администрация старается не говорить о случаях, когда кто-то из ребят скупал сладости, а потом перепродавал их; однако такое иногда бывает. «Если ребенок идет и покупает конфеты для себя, мы мало что можем поделать, — говорит Рорбахер. — Это его беда, и он сам поймет, что поступил неправильно. Но я не терплю здесь тех, кто мешает другим похудеть. Я просто прошу их покинуть лагерь».

Важнейшая часть стратегии лагеря — борьба со слухами и сплетнями. В обязанности воспитателей входит работа по пресечению всех разговоров, подрывающих авторитет администрации. По всему лагерю расклеены плакаты с надписью: «Сплетни распускать — себя не уважать». Несмотря на это, администрация лагеря (в лице Джанет Рорбахер) поверила слуху, что ваш корреспондент угощал воспитателей коктейлями, чтобы «развязать им языки» и выудить нужную информацию. (Между нами, я угостил их кока-колой.) Не понимаю, чего они так боятся?

Во время ужина некоторые ребята спрашивали меня, всю ли порцию я намереваюсь съесть. Особой популярностью пользовалось пюре. На другом конце стола идет торг: «Пюре на рыбу — махнемся? Не хочешь? Кто отдаст мне пюре в обмен на мой десерт?»

Эти обмены идут вразрез с правилами лагеря, но воспитатели не могут их предотвратить. Я отказал двум мальчишкам, которые приставали ко мне с вопросом, хочу ли я доесть свое пюре. Порции здесь и в самом деле крошечные, а я прекрасно помню, что нахожусь в зоне строгой диеты, на крошечном островке в огромной Америке, где я не смогу перекусить, где не продаются бутерброды с сыром или ветчиной. «Не беспокойтесь, — говорит толстый парень Клифф, — вы можете сходить в комнату за кухней». Ребята объясняют, что исключительным правом посещения этой комнаты пользуются директор, воспитатели и обслуживающий персонал. Система строгого подсчета калорий остается за дверью, а по ту сторону воспитатели в неограниченном количестве поглощают булочки с маслом и джемом. Администрация оправдывает существование этой комнаты тем, что некоторым воспитателям нужно потреблять большее количество калорий, так как они ведут очень подвижный образ жизни. Некоторым воспитателям, как, например, помощнику директора Брюсу Хайману, чья фигура далека от совершенства, самим бы не мешало похудеть. Все это порождает разговоры о лицемерии администрации. Брюс, как бы мягче выразиться, крупный мужчина тридцати лет, стал работать в Кингсмонте после того, как побывал здесь в качестве пациента.

Но, несмотря на все это, подавляющее большинство ребят терпеливо

соблюдают режим. Вес их намного превышает норму, а Кингсмонт дает реальный шанс сбросить лишние килограммы при помощи упражнений и вдали от любопытных глаз и язвительных насмешек более стройных ровесников. У лагеря хорошая репутация, а результаты говорят сами за себя: в прошлом году каждый мальчик, живший в лагере, потерял в среднем 14 килограммов, а каждая девочка — 12 килограммов.

Но давайте все же заглянем в корень проблемы: почему они такие толстые? Психолог Энн Гераник уверена, что во всем виноват технический прогресс, теперь весь физический труд сводится к нажатию кнопки. Она винит еще и родителей: «Они посылают детей в школы с продленным днем, и там их кормят всякой гадостью. А те, кто кормит детей дома, не заботятся о содержании их пищи. Детям дают консервы, готовые замороженные блюда и всякую дребедень (чипсы, воздушную кукурузу и т.п.). В то же самое время им постоянно вдалбливают в голову, что они должны быть стройными и фигуры у них должна быть как у кинозвезд. По всеобщему убеждению, успешную карьеру может сделать только стройный человек. Это просто несправедливо».

Многие из пациентов признают, что желание похудеть довлеет над ними. 14-летняя Элиша Ландман рассказывает, что она хотела бы похудеть до поступления в колледж: «Когда ты толстая, ты чувствуешь себя уродиной. Очень важно и то, как люди вообще относятся к полноте. Я наслушалась столько оскорблений в свой адрес, что пришла к мысли, что если ты не стройный — ты ничтожество. Но нельзя смотреть только на оболочку и не замечать, что у человека внутри».

Майкл Кэмп, 11-летний парнишка из Нью-Йорка, говорит, что над ним тоже издевались в школе: «Они называли меня жирдяем и еще кое-как, я даже не могу произнести это вслух. А однажды они так меня довели, что я сбежал из школы. Мне было так обидно! Я очень хотел похудеть и поэтому приехал сюда. Со здоровьем у меня было тоже неважно. Пройдя несколько десятков метров, я задыхался». Майкл похудел на 25 килограммов.

Однако во время своих бесед с ребятами психолог Энн Гераник старается убедить их, что стройная фигура не должна быть самоцелью: «Я пытаюсь объяснить им, что сбалансированное питание и физические упражнения помогут им поправить здоровье, чувствовать себя лучше. Я хочу помочь им похудеть и дать им почувствовать, как это здорово — обрести новое тело. Мы стараемся привить детям чувство собственного достоинства».

Может быть, ребятам, живущим в лагере, и не хватает чувства собственного достоинства, но вот с чувством юмора у них все в порядке. Умение посмеяться над собой — черта, совсем нехарактер-

ная для американского подростка, а здесь это почти норма. Судите сами:

— Почему ты приехал в этот лагерь?

— Хочу посмотреть на толстяков со всего мира.

— Ты занимаешься бегом?

— Я не бегаю, я качусь.

— Тебе нравится кататься на роликах?

— Это упражнение уже отменили. Наверное, воспитатели просто устали привязывать к нашим ногам скейтборды.

Всеобщий дух самокритики проявляется особенно ярко во время празднования Дня Независимости. В этот день ребята разыгрывают мини-спектакли, чтобы повеселить друг друга. Часто звучит и «диетическая» тема. В этом году, например, один отряд сочинил песню на популярную мелодию Гарри Беллафонте:

Работаем, играем —

немного отдыхаем.

Встать пораньше?

— Мы не возражаем!

Классные ребята в отряде № 2,

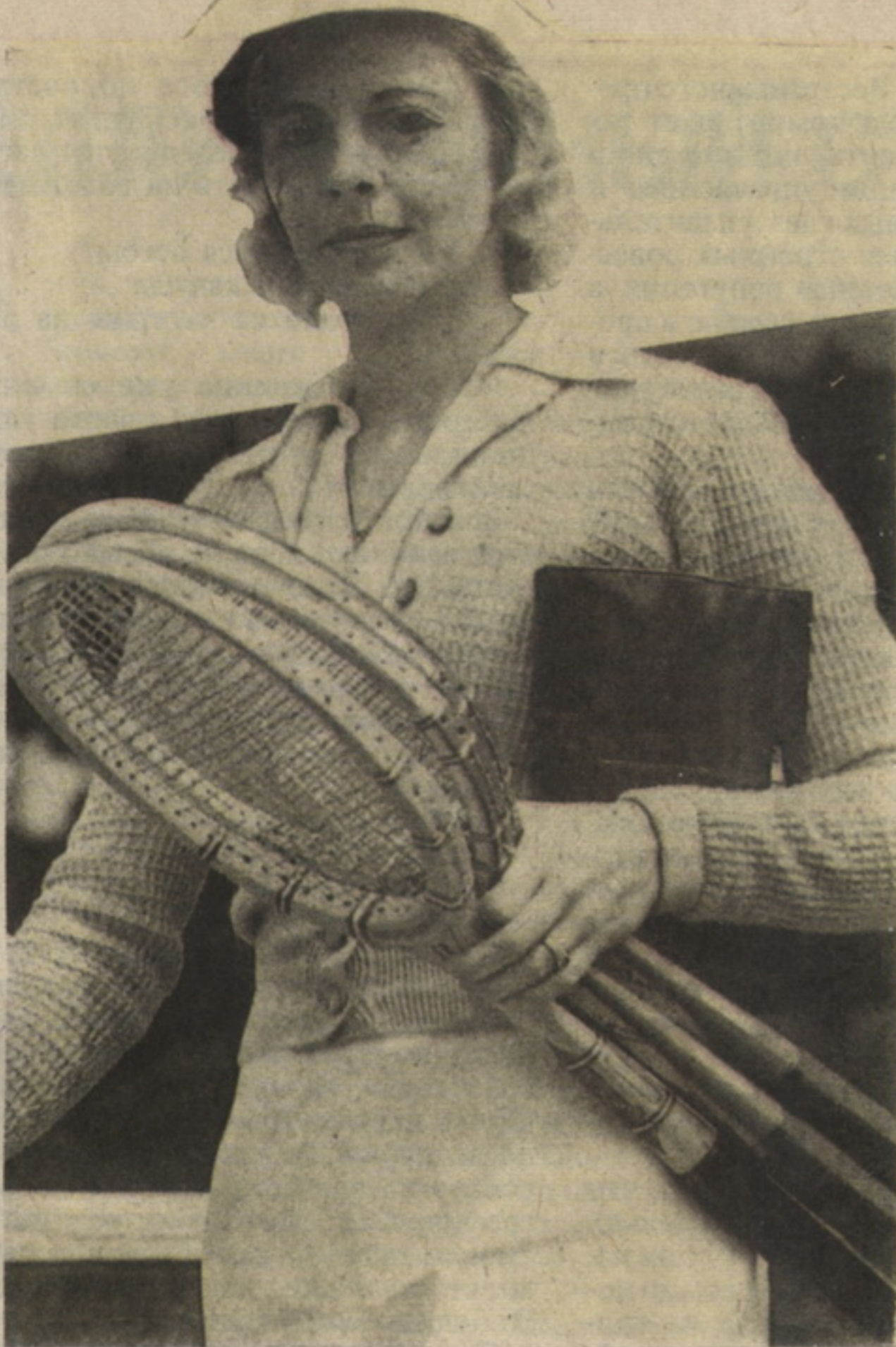
но с утра их мысли занимает еда...

Обычно после спектаклей проводится конкурс «Кингсмонтская антикрасавица», во время которого мальчишки наряжаются в женские платья и дефилируют по узкому помосту. Директор лагеря попросил нас не фотографировать этот конкурс, но мы смогли увидеть, как обитатели лагеря ходят по сцене, покачивая бедрами. Победил самый толстый.

Семидневное пребывание в Кингсмонте обходится в 3295 долларов, поэтому сюда приезжают ребята из обеспеченных семей Нью-Йорка и Бостона. От 5 до 10 процентов детей получают стипендию, учрежденную владельцами лагеря. Их ежегодная прибыль достаточно высока: организация курсов похудения — процветающий бизнес в США. А Рорбахер сказал, что стоимость лагеря как недвижимости оценивается в несколько миллионов.

И хотя родители с радостью посылают сюда детей, многие воспитатели считают, что обязанности родителей не оканчиваются после того, как выписан чек. «Многие родители могли бы сделать для своих детей гораздо больше, — говорит Боб Шабо, в прошлом учитель, а теперь старший воспитатель. — Детей воспитали так, что они смотрят на еду как на особый вид поощрения. Да, родители желают детям добра, но они не могут побороть искушение и буквально закармливают своих чад, выражая тем самым любовь к ним. В прошлом году одна итальянская мамаша приехала навестить сына, который к тому времени здорово похудел. Она подбежала к нему, обняла и сказала: «Молодчина! Сейчас мы с тобой отпразднуем это радостное событие». И извлекла из багажника огромный шоколадный торт...»

Перевела с английского
А. ВОЛГИНА

Я — ШПИОНКА

Алис МАРБЛ,
американская теннисистка

В тридцатых годах Алис Марбл стала звездой мирового тенниса, и публика, посещавшая открытый чемпионат США и игры в Уимблдоне, любила ее манеру игры, а журналисты восхваляли ее обаяние.

Но в самом конце войны Алис пришлось заняться делом очень далеким от тенниса, и на этот раз ставкой в игре была ее жизнь...

Нью-Йорк, начало 1945 года

Я перебирала залежавшуюся на моем столе корреспонденцию, когда зазвонил телефон.

«Мисс Марбл?» — «Да». — «Это капитан Джонс¹». Помните, мы познакомились вчера в ресторане?» — «Да. Чем обязана?» — «В правительстве есть люди, которые считают, что вы можете помочь своей стране. Вы ведь хотели добровольно пойти на фронт...» — «Что вы предлагаете?» — спросила я. — «Это не телефонный разговор. Через час встретимся на углу Пятдесят седьмой и Пятой авеню». — «Хорошо, — ответила я, — я приеду».

Я торопливо облачилась в серый костюм — ничто яркое, на мой взгляд, не годилось для того, что я про себя окрестила «важным правительственным заданием». Одевшись, я рассмеялась. Уж эти фантазии! Важное правительственное задание! Возможно, они просто попросят меня сыграть в паре с каким-нибудь толстым генералом.

1 За исключением имени героини все имена в публикации изменены. — Прим. авт.

Капитан Джонс был в штатском. Я почувствовала легкое сомнение, но все-таки села в машину. И мы тронулись в направлении Ист-сайда.

Мы подъехали к высоким воротам, и капитан вручил охраннику какие-то документы. На одном из них, видимо, была и моя фотография, потому что охранник, нагнувшись, долго изучал мое лицо. Это мне очень не понравилось.

Джонс провел меня в какой-то кабинет и представил немолодому седовласому полковнику. Полковник Линден сразу же приступил к делу.

— Мы наблюдали за вами, мисс Марбл.

— Да? А то мои друзья решили, что я сошла с ума, когда сказала, что за мной следят, — начала я, — нужно будет им объяснить...

— Об этой нашей встрече не должен знать никто, — оборвал меня полковник. — Даже если вы откажетесь помочь нам. А вы можете нам помочь. По правде говоря, только вы и можете выполнить то, что мы задумали.

— Любопытно...

— Дело касается Ганса Штайнметца.

— Ганса? Что вам известно о нас с Гансом? — пролепетала я, чувствуя, что краснею.

— Мы знаем о ваших... взаимоотношениях, — ответил Линден. — В свое время об этом трубили все европейские газеты. Скажите, почему вы с ним расстались? Вы поссорились?

— Нет. На этом настояла Элеонора Теннант, мой тренер. Она не хотела, чтобы что-либо отвлекало меня от тенниса. Но причем моя личная жизнь? — я была и смущена, и раздражена.

— Пожалуйста, не обижайтесь, — Линден улыбнулся. — Все это очень важно. Вы были в хороших отношениях со Штайнметцем? Я кивнула.

— А после тридцать восьмого вы поддерживали с ним какие-либо контакты?

— Нет. Потом я вышла замуж за Джо.

— Жаль, что Джо погиб... — Линден сочувственно кашлянул. — Мне кажется, Штайнметц хотел бы повидаться с вами.

Я ничего не могла понять.

— Что вы имеете в виду? — Ганс для нас очень важен. Он связан со многими высокопоставленными нацистами, — вмешался Джонс.

— Ганс нацист?!

— Нет, — ответил Линден, — но он имеет контакты с ними. Они знают, что проигрывают войну. Самые ловкие из них пытаются переправить награбленные сокровища за границу — особенно в Швейцарию, чтобы потом бежать куда-нибудь в Южную Америку, где богачей не принято спрашивать об их прошлом.

— Значит, нацисты держат свои сокровища в банке Ганса?

— В этом мы не уверены. — Он наклонился ко мне. — Но он стремительно богатеет. Не исключено, что причиной этому — нацистские вклады. Возможно, он держит их счета не в банке, а где-нибудь в другом месте, скорее всего в сейфе у себя дома.

Я вздохнула. У Ганса дела с этими ублюдками? Настроение у меня совсем упало.

— Я не хочу с ним встречаться. Какой в этом толк?

— Толк есть. Мы хотим, чтобы вы встретились с Гансом, вошли к нему в доверие и выяснили, где он держит бумаги, — объяснил Линден. — Конечно, это очень рискованно, но мы надемся, что вы сможете переснять их.

Я не верила стоим ушам. Мне казалось, вот-вот режиссер крикнет: «Стоп!», актеры закурят и примутся болтать о своих личных делах. Все это было так похоже на дурное кино!

— Мы обучим вас всему, что вам понадобится, — продолжал Линден. — Пошлем в Швейцарию под предлогом какого-либо соревнования и сделаем так, чтобы Ганс сам нашел вас, — он выдержал паузу и добавил: — Может, ничего и не получится, может, он даже не захочет встречаться с вами. Может, у него есть другая женщина. Кто знает? Но это единственный для нас шанс получить очень важную информацию, с помощью которой мы не позволим фашистам уйти от возмездия... Это риск. Большой риск. Поэтому, если вы откажетесь, мы пойдем.

— Мне нужно время подумать.

— Тогда до завтра. Я позвоню вам.

Весь день прошел как в тумане. Я поздно вернулась с тренировки, сразу же легла в постель, но заснуть не смогла. После гибели Джо у меня было много бессонных

ночей. Но теперь я вспомнила Ганса. Когда-то я любила его, наверно, наш разрыв причинил ему боль. И теперь мне предлагают шпионить за ним. Мне что, придется спать с ним? Линден и Джонс об этом не говорили, но я догадывалась, что они имели в виду под «войти в доверие».

Неужели Ганс помогает нацистам? Может, это и не противозаконно в его нейтральной стране, но тем не менее преступно. Если я смогу сделать то, о чем просят Линден и Джонс, я отомщу этим сволочам, которые сбили самолет Джо. Я ворочалась, не находила себе места. Меня могут убить. Готова ли я умереть за свою страну?

Утром зазвонил телефон. Я сделала глубокий вдох и подняла трубку.

— Мисс Марбл? Это полковник Линден.
— Я подумала о вашем предложении.
— И...?
— Я рискну. Что нужно делать?
— Завтра в два за вами приедет машина. Я составлю для вас расписание занятий. Вам придется многому научиться, а времени у нас мало, — сказал он. — И, конечно, никому ни слова.

Швейцария, два месяца спустя

Я спускалась по трапу военного транспортного самолета, меня трясло от страха: мне казалось, будто на моей спине написано «шпион». Швейцария была нейтральной страной, но, как меня предупредили, кишмя кишела немецкими агентами. Я оглядела летное поле. Больше всего мне хотелось сесть в первый же самолет в Штаты. Но пришлось натянуть на лицо улыбку: меня встречали репортеры, местные политические деятели и спортсмены...

Затем меня отвезли в прекрасный отель «Лез Армюр», где теннисная ассоциация приготовила для меня шикарный номер. Три дня тренировок и вечеринок прошли без происшествий. Я уже стала подумывать о том, что кое-кто зря посчитал, будто Ганс загорится желанием встретиться со мной.

Я сыграла партию с молодой швейцарской теннисисткой и уже шла в раздевалку, когда ко мне подошла девушка и вручила розу и карточку.

Под фамильным вензелем четко выписаны слова: «Вы еще прекраснее, чем прежде. Давайте поужинаем сегодня. Через час позвоню вам в отель. Ганс Штайнметц».

В отеле я сменила три платья, пока не остановилась на красном. И тут зазвонил телефон.

— Алло? — неуверенно произнесла я.
— Я внизу, — ответил голос, который, как мне когда-то казалось, я больше никогда не услышу.
— Сейчас буду, — сердце у меня билось, словно сумасшедшее.
Я спустилась по широкой лестнице. Он стоял в холле. С нашей последней встречи прошло семь лет, но Ганс почти не изменился. Волосы его чуть тронула седина, несколько морщинок придали его лицу какое-то особенное очарование. На нем был прекрасно сшитый синий костюм, а в руках — дюжина роз.

— Алис, — проговорил он, — вы все так же прекрасны, — он наклонился и коснулся губами моей руки, и я вздрогнула от этого прикосновения.

Вскоре мы уже сидели за столиком в небольшом ресторане. Мы разговаривали, и семь лет нашей разлуки постепенно таяли. Оказалось, он следил за моими успехами по газетам и даже до войны присутствовал на нескольких моих выступлениях в Англии.

— Я хотел тогда позвонить тебе, чтобы вместе провести вечер, — сказал он. — Но я знал, как отреагирует на это твой тренер.

— Она сделала меня чемпионкой, — ответила я. — Но я не хотела совершать одну и ту же ошибку дважды — она просто не смогла меня отговорить, когда я решила выйти замуж за Джо.

Я почувствовала, как на глаза навернулись слезы... Не стоило, пожалуй, быть такой откровенной. Ганс взял мою руку.

— Позволь мне снова сделать тебя счастливой, — нежно произнес он.

Если бы этим вечером Ганс спросил, можно ли ему остаться в моем номере, я вряд ли бы ему отказала. Нас по-прежнему тянуло друг к другу — так же сильно, как в ту давнюю ночь во Франции. Мы были моложе — он, богатый космополит, и я, неопытная девушка, встретившая свою первую любовь... Но это произошло только на следующую ночь. Мы ужинали в его родовом замке в горах, неподалеку от Женевы. Вышколенные слуги бесшумно подавали блюда, бесшумно исчезали. Нашими единственными сот-

рапезниками были предки Ганса, молчаливо наблюдавшие за нами с портретов.

Ганс рассмеялся, когда я заявила, что эти портреты действуют мне на нервы:

— Не обращай внимания. Пойдем покажу, какой домик они для меня построили.

Он провел меня через просторный зал в галерею, увешанную прекрасными старинными гобеленами.

— Могу поспорить, что в этом замке есть подземелье, — сказала я, когда мы осмотрели библиотеку и кабинет Ганса.

— Подземелья нет. Но зато лучший в стране винный погреб, — и он показал на лестницу.

Наша экскурсия по дому закончилось в спальне Ганса — расчеты капитана Джонса оказались верными.

В ту ночь мы будто хотели наверстать все упущенное за семь лет. И вдруг я расплакалась.

— Что с тобой, дорогая? — заволновался Ганс. — Я чем-то обидел тебя?

— Я счастлива, но мне почему-то немного грустно.

Если бы он только знал, что было причиной моей грусти! Я постоянно помнила о задании, но прежняя любовь вернулась ко мне.

Больше всего на свете мне хотелось отправиться домой и заявить Линдену, чтобы он поискал другого шпиона. Но задание смогу выполнить только я. Я должна сделать это — во имя своей страны. Тогда почему я чувствую себя предательницей?

Ганс просил меня переехать из отеля к нему. Три дня я раздумывала, но потом все-таки согласилась. Собрала все свои вещи — в том числе и сумочку, в которой была фотокамера, пистолет и прочие шпионские штучки.

Недели бежали незаметно. Мои теннисные мероприятия должны были скоро закончиться.

Однажды после полудня я отправилась в Старый город. Там, на улице Ля Гранд, располагался магазинчик моего связного — Регенбогена. Мне нужно было просто проехать мимо, показаться ему. Он, наверно, удивляется, почему я так медлю с выполнением задания! Но ничего, уже скоро...

Этим вечером мы с Гансом должны были отправиться на прием в аргентинском посольстве. Увидев толпы мужчин в смокингах и дам, переливающихся драгоценностями, я поразились:

— Даже не верится, что идет война.
— Дорогая, ты же знаешь, что моя страна не воюет, — ответил Ганс.
— Вон и немцы здесь!
— Они наши соседи.
— Хороши соседи! Убивают людей...
— Да, убивают. Так же, как и американцы, англичане и русские. А мы, швейцарцы, просто не хотим вмешиваться в эти европейские драки.

— Почему аргентинцы так гостеприимны?
— Это бизнес, дорогая. По слухам, в швейцарских банках хранится более трехсот миллионов немецких марок. Впрочем, это, наверно, преувеличение. Тем не менее Аргентина надеется, что эти деньги после войны будут вложены именно в ее экономику.
— А в твоём банке немцы хранят деньги?
— Конечно. В моем банке даже лежат деньги тех, кто бежал от французской революции почти двести лет назад.
— Тебе что, нравится вести дела с нацистами?
Он снисходительно взглянул на меня.
— Я — банкир. Меня не должно беспокоить, чьи деньги я храню.

Мы потанцевали с Гансом несколько туров вальса, меня приглашали и другие гости — все они назывались ярыми поклонниками тенниса. Зато женщины, которым меня представляли, вели себя так, будто слышали обо мне в первый раз. Они больше интересовались Гансом.

Наконец мы откланялись и отправились домой.

Я переоделась в своей комнате и прошла в спальню Ганса. Он приводил в порядок свои дела. Рядом с кроватью, в серебряном ведре со льдом, стояла бутылка шампанского, а на столике — два высоких хрустальных бокала. Он оторвался от бумаг и посмотрел на меня.

— Шампанского?

Свой бокал я только пригубила. Зато не забывала подливать Гансу. Он пил еще в посольстве, поэтому через некоторое время его порядком разобрало. Вдруг он спросил:

— Ты ведь хотела знать, держу ли я в своем банке немецкие деньги?

— Я просто так спросила...

— Да. Я держу их деньги. Скажу даже больше: для многих из них я — последняя надежда.

— Что ты имеешь в виду?

— Эти сукины дети очень надеются на меня. Но лишь немногие из них смогут удрать из Германии после разгрома, чтобы воспользоваться своими капиталами. И потом, мне идут хорошие проценты, — разоткровенничался он. — И все же эти деньги я предпочитаю держать здесь, у себя, а не в банке. Никто не знает, как может поступить правительство, узнав об этих счетах...

— Здесь? Дома?

— Да, дорогая. И, черт побери, в очень надежном сейфе. В специальной камере в подвале, но всякий, кто попытается вскрыть ее, будет разорван на мелкие кусочки зарядом взрывчатки... А вот там, под переключателем отопления, спрятан ключик...

Ганса совсем развезло, его глаза затуманились. Я едва успела подхватить его бокал: Ганс заснул.

Я соскользнула с кровати и, стараясь не шуметь, подошла к батарее у окна. Крышка одного переключателя держалась крепко. Я дернула второй. Крышка отошла. Под ней действительно был небольшой ключик. Убедившись в этом, я вернула крышку на место и снова забралась в постель. Ганс слегка посапывал во сне. Я смотрела на него и плакала. Я ненавидела себя за то, что мне придется его обмануть. Ведь я теперь знала о ключе! А это значило, что мое секретное задание выполнимо.

В следующую пятницу я сказала больная. Это было не трудно — я действительно чувствовала себя отвратительно.

— Дорогая, ты уверена, что не хочешь, чтобы я остался сегодня с тобой? — спросил Ганс, одеваясь для очередного приема.

— ...И пропустил самую блестящую вечеринку года? Если ты не покажешься сегодня в британском посольстве, женевские дамы этого просто не перенесут.

Я не могла смотреть ему в глаза. Уставилась в покрывало и водила пальцем по рисунку.

— Езжай. А то опоздаешь. И не гони слишком быстро!

— Ты говоришь так, словно ты уже моя жена, — сказал он, улыбаясь. — Может, нам следует объявить о помолвке?

У меня перехватило дыхание.

— Ганс, я очень люблю тебя. Я так счастлива с тобой, но...

Он поцеловал кончики моих пальцев и выпрямился.

— Я вернусь около полуночи. Если тебе что-нибудь понадобится — позвони слугам. Если почувствуешь себя хуже — сообщи мне в посольство, я привезу с собой доктора.

Как только дверь за ним закрылась, я разрыдалась. Ну почему я должна обманывать любимого человека, шпионить за ним?

Наконец я оторвала голову от подушки. Мой взгляд уперся в старинные часы, стоявшие на гардеробе. Было семь вечера. Если все пойдет нормально, я смогу проникнуть в сейф, переснять документы и вернуться в спальню до приезда Ганса. А наутро завезу пленку связному и помчусь в аэропорт...

Я некоторое время лежала неподвижно, пытаюсь убедить себя, что задание мне не под силу. Черт побери! Мне хотелось до конца своих дней быть вместе с Гансом. Рожать ему детей... Ведь в этом мое счастье! Плевать на этих немцев. Война уже почти закончилась. И они все равно попадутся... Но в глубине души я понимала, что это не так. Они смогут удрать безнаказанными, эти ублюдки. Я представила себе, как они обустраиваются где-нибудь в Южной Америке и заново создают свою нацистскую партию — эту огромную заразную язву... И когда-нибудь миру снова придется воевать с ними. Может, в моих силах остановить их? Хотя бы тех, которые доверили свои капиталы Гансу.

У меня есть время, у меня есть шанс, которым грех не воспользоваться. Я бросилась к батарее и достала ключ. Быстро переоделась в тренировочный костюм, натянула сверху куртку и вынула из глубины гардероба свою сумочку. Достала кобуру с пистоле-

том и нацепила на себя. Смогу ли я выстрелить в человека?

Я тихонько спустилась вниз и прислушалась, пытаюсь определить, где находится прислуга. Проскользнула под лестницу, двинулась к двери, ведущей в винный погреб. Тут до меня долетел отдаленный смех, и я застыла: понятно, слуги собрались в кухне.

Дверь погреба открылась почти бесшумно. Я зажгла фонарик и торопливо зашагала вниз по каменным ступеням. Вот еще одна дверь — тяжелая, дубовая. Я сунула ключ в отверстие замка и, дрожа всем телом, повернула. Ничего страшного не произошло. Я подождала немного и легко толкнула дверь. Она распахнулась. За ней была еще одна — бронированная, ведущая в камеру-сейф.

Когда меня готовили, инструктор говорил, что это самый рискованный момент во всем предприятии. Где-то здесь должна быть взрывчатка, самое сложное — обезвредить заряд.

Я поблагодарила Бога за то, что Ганс проболтался, где спрятал ключ, потому что увидела, как от двери идут проводки к двум металлическим ящичкам. Если бы мне пришлось вскрывать сейф, от меня ни клочка бы не осталось...

Сейф, к счастью, оказался почти таким же, как тот, на котором меня тренировали в Штатах. Наконец замок щелкнул. Я с облегчением поднялась, разминая затекшие ноги. Взглянула на часы и опешила: уже одиннадцать! Четыре часа пробежали слишком быстро. Если Ганс звонил, чтобы справиться о моем здоровье, то прислуга уже наверняка меня ищет.

Ганс сказал, что будет дома где-то в полночь. У меня еще есть время. Я схватилась за ручку и с трудом открыла тяжелую дверь.

У одной из стен стояло несколько массивных пакетов, обернутых плотной коричневой бумагой. Наверно, картины. У другой стены аккуратно сложены золотые слитки. Клеймо «третьего рейха» — свастика — свидетельствовало о том, кто является их владельцем. Вид свастики привел меня в бешенство.

Рядом — аккуратно пронумерованные ящики. Все еще опасаясь мин-ловушек, я осторожно приподняла крышку. Внутри были драгоценности: кольца, браслеты, колье, заколки для галстука... Кто знает, скольким людям они стоили жизни? Я искала главное: где-то здесь должны храниться документы о тех, кто сдал в банк все эти многомиллионные ценности. Минуту спустя я наткнулась на грессбух в кожаном переплете. Вот что мне нужно! Колонки имен, перечисление вкладов — запись всех темных финансовых дел, которые ведет Ганс с нацистами.

Я выбралась из сейфовой камеры и разложила грессбух на полу. Пришлось пойти на риск и включить верхний свет. Я защелкала затвором, переснимая колонку за колонкой, страницу за страницей. Сердце лихорадочно колотилось. Если меня обнаружат, что я скажу? Что решила ограбить Ганса? Никто в это не поверит. Интересно, как поступают в Швейцарии со шпионами? Конечно, это нейтральная страна, но влияние Германии слишком велико, да и немцев кругом полно... Как поступит Ганс?

Я старалась не паниковать. Вот — последняя страница. На моей пленке достаточно информации, чтобы прищучить этих нацистских воров.

Вернула документы на место, захлопнула сейф. Поднялась из погреба, спряталась, выжидая, под лестницей. И услышала, как слуги выкрикивают мое имя. Судя по голосам, они находились где-то в главном зале. Может, я смогу прокрасться наверх? Скажу, что принимала ванну. Хотя нет, в ванной они, наверно, уже смотрели. Какого черта им вообще понадобилось искать меня? Но тут раздался голос Ганса: «Алис, где же ты?» Я поняла, что влипла. Мне захотелось выскочить из укрытия, броситься ему на шею и обо всем рассказать... Но что я могу ему сказать? Я застыла, прижавшись к стене.

Тут я услышала, как кто-то подошел к двери в погреб. «Господин Штайнметц, сюда!» — раздался голос дворецкого. Господи, какая я дура! Я забыла выключить в погребе свет! Сейчас они все поймут! Выскочив из убежища, я налетела прямо на дворецкого, отпихнула его в сторону и бросилась к входной двери.

Это было подарком судьбы: «мерседес», на котором приехал Ганс, стоял у подъезда. Ключи должны быть внутри. Я кубарем

слетела вниз и впрыгнула на сиденье, не обращая внимания на крики за спиной.

«Алис! Подожди!» — раздался голос Ганса. Я обернулась, наши взгляды встретились.

«Прости!» — только и смогла крикнуть я. Нащупала в темноте ключ зажигания, повернула. Машина моментально завелась. Я выжала педаль газа, двигатель взревел, и я понеслась вперед.

Я мчалась по узкой горной дороге в Женеву. Дорога шла по краю обрыва, справа тянулись горы. Места эти я знала и прекрасно понимала, что малейшая ошибка — и я разобьюсь.

«К черту все! — заорала я. Звук моего голоса так напугал меня, что я чуть не пропустила очередной поворот. — Я, черт побери, теннисистка, а не шпионка!»

Пистолет на поясе мешал мне, впивался в ребра. Я сорвала его, бросила на боковое сиденье, где уже лежала камера, и опять судорожно вцепилась в баранку. Пистолет, фотоаппарат и впридачу — угнанная машина. Нет, я все-таки определенно шпионка. Не очень удачливая, впрочем. И к тому же еще обманщица.

Тут у меня опять потекли слезы. «Ганс, прости, если можешь, прости меня... — шептала я в темноту. — Я люблю тебя... Мы могли быть так счастливы вместе...»

В зеркале заднего вида мелькнул огонек. Меня бросило в пот. Свет фар приближался. Впереди был прямой участок дороги, и я прибавила. После поворота свет на некоторое время пропал, но вскоре опять появился — еще ближе.

Кто это может быть? Ганс? Немцы? Русские? Господи, пусть уж лучше полиция. Или военный патруль.

Я промчалась мимо таблички: «Женева, 10 км». Допустим, я доберусь до города, что дальше? Мчаться напрямик к связному на Ля Гранд? А что, если Регенбогена на месте нет? Да и сможет ли он меня защитить?

Так, у меня есть пистолет. Я могу воспользоваться им, если... если это не Ганс. Господи, лишь бы это был не Ганс!

Фары в зеркале заднего вида уже слепили глаза. Та машина еще прибавила, выехала на другую полосу и поравнялась со мной. Господи, что они собираются делать? Застрелить меня? Столкнуться в пропасть? Я решила мчаться, несмотря ни на что. Таким смертельным тандемом, бок о бок, мы прошли следующий поворот.

Словно загнанное животное, я рискнула взглянуть на моего преследователя... И чуть не потеряла сознание — таково было мое облегчение, когда увидела, что в той машине сидит капитан Джонс и делает отчаянные жесты.

Я откинулась на сиденье, переводя дух. И тут же заметила, что сзади маячат огни еще одного автомобиля. Но мне было все равно. Теперь со мной Джонс! Он обо всем позаботится!

Выскочив из машины, я бросилась к капитану.

— Эл, слава Богу, это вы! Вы перепугали меня до смерти. Я все сделала!

— Замечательно, — сказал он и как-то напряженно улыбнулся.

— Давайте скорее в Женеву! Там сзади кто-то еще.

— Наши планы немного изменились, — прервал меня Джонс, схватив за руку. — Быстрее давайте пленку.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться и крепче сжать камеру.

— Не теряй времени на эту суку! — раздался утробный голос какого-то человека, сидевшего в машине Джонса. — Хватай пленку. Кто-то приближается!

Ошеломленная, я смотрела на Джонса. «Двойной агент!» — мелькнуло у меня в голове. Все было как в тумане. Я почти не сопротивлялась, когда он вырывал у меня камеру. Камера выпала из моих рук и шлепнулась на гравий. Вне себя, Джонс выхватил из-за пояса пистолет. Его ствол тускло блеснул в свете фар приближающегося автомобиля.

Джонс, не отрывая от меня взгляда, нагнулся, чтобы поднять камеру. Повинуясь инстинктам, я развернулась и сломя голову бросилась прочь. Я мчалась почище любого спринтера, ожидая, что вот-вот получу пулю в спину.

Звуки всего, что произошло потом, почему-то очень четко отпечатались в моем сознании. Скрипнули тормоза, раздались какие-то крики и выстрелы. Жгучая боль обожгла мне спину — одна из пуль нашла цель.

В глазах у меня потемнело, и я рухнула на землю...

Я открыла глаза в незнакомой комнате — белые простыни, белые стены. Понятно, больничная палата.

«С пробуждением», — раздалось откуда-то сбоку. Преодолевая боль, я повернула голову.

— Полковник Линден! Вы здесь

— Да. Я спешил вам на помощь, но немного опоздал.

— Что случилось? Меня сильно зацепило?

— Нет, совсем чуть-чуть. Но придется полежать. Доктора обещают починить вас полностью.

Я попыталась сесть на постели, но охнула от боли.

— Вы схватили Джонса? Он — двойной агент, да?

— Он работал на русских... Я не предупредил вас — наши люди следили за дорогой из замка, чтобы поддержать вас в случае чего. Они поехали вслед за вами и разделались с Джонсом и его напарником, — Линден покачал головой. — Никак не могу себе простить, что не раскусил этого человека. Я работал вместе с ним несколько лет. И до прошлой недели у меня не было ни тени подозрения.

Линден вздохнул.

— Он постоянно говорил, что от вас слишком долго нет известий, и, наконец, настоял на поездке сюда. После того, как он улетел, я стал беспокоиться, что он вынудит вас к чрезмерному риску. Поэтому тоже прилетел в Женеву. Я даже был готов свернуть задание, если бы это понадобилось.

— Я рада, что вы этого не сделали. Я люблю Ганса, но он якшается с этими наци, и я ненавидела бы себя всю жизнь, если бы не помогла вам...

Линден виновато отвел глаза, он как-то моментально состарился.

— Алис, я бы с удовольствием сообщил вам, что ваша миссия удалась, но...

— Что вы имеете в виду? Ведь я пересняла документы. Вы что, не нашли камеру?

— Последнее, что успел сделать Джонс, умирая, — засветить пленку. Теперь мы так и не знаем, какие точно ценности хранятся в банке у Штайнметца, и наци могут уйти от расплаты...

— Полковник, мне кажется, я все-таки могу вам помочь.

Линден недоуменно смотрел на меня.

— Понимаете, у меня фотографическая память. Когда я закрываю глаза, я почти отчетливо вижу эти документы...

— Что?!

— Я думаю, смогу таким образом вспомнить очень многое...

— Так. Сейчас здесь будет стенограф! — и Линден сорвался с места.

Я действительно сумела многое припомнить. Все это было перенесено на бумагу: имена, суммы вкладов...

Линден вновь пришел навестить меня. Он раскрыл папку, задал несколько вопросов, делая пометки на полях. Затем удовлетворенно вздохнул:

— Вы отлично сработали, Алис. Теперь эти люди от нас не уйдут: их будут судить как военных преступников.

— А как Ганс? Что сделают с ним? — спросила я.

— Скорее всего — ничего. Но, возможно, когда мы придем его к стенке вот этим, — Линден указал на папку, — ему придется с нами сотрудничать. Конечно, он человек умный и уже, наверно, придумал способ обезопасить себя. Но определенные преимущества у нас будут.

У меня как гора свалилась с плеч. Линден, видимо, понял мои чувства, голос его потеплел:

— Я понимаю, насколько это было для вас трудно, но вы поступили правильно... Не бойтесь, нацисты вас в Штатах не достанут. Но все равно постарайтесь быть осторожнее. Не ходите никуда в одиночку и сторонитесь незнакомцев. И помните: никому не говорите о происшедшем. Это вопрос национальной безопасности, Алис.

— Понимаю.

— Наверное, мы с вами больше не увидимся. Спасибо вам. Вы много сделали для своей страны, и она вас не забудет. Надеюсь, когда-нибудь вас наградят соответственно вашим заслугам...

Я прилетела в Нью-Йорк на военном транспортном самолете седьмого мая. Мое возвращение было ознаменовано событием: война в Европе наконец закончилась.

Перевел с английского Д. ДЕНИСОВ

Steve Martin

«А я вот думаю о шестьдесят четвертом — в тот год я впервые вышел на сцену. Это было в маленьком клубе в Калифорнии, клуб назывался «Тюрьма Сократа», и публики было ровно шесть человек. Я думаю обо всех этих годах, когда я мотался по стране из клуба в клуб, и толстые полупьяные владельцы говорили: «Слушай, парень, ты совсем не смешной. Ты лучше пиши для других комиков...»

Сейчас Стиву Мартину сорок шесть лет, и с 81-го, когда он впервые попал на киноэкран, он снялся в семнадцати фильмах и заслужил славу одного из лучших комедийных актеров Америки: «Этот знает, где прячутся шутки», — говорят про таких. С каждым годом юмор Мартина становился все тоньше — и все грустнее, а фантазия работала на полную катушку: он сам, как правило, пишет сценарии для своих фильмов, и вот, например, придумал очень простую и замечательную штуку —

перенести действие «Сирано де Бержерака» в современный американский городок, а главного героя сделать... местным пожарным. При этом сохранив роستانовский текст. Он придумал одну из самых милых комедий последних лет «Лос-Анджелесская история», где герой, неловкий неудачник, получает серьезные жизненные подсказки от... разумного дорожного знака (в фильме Мартин снялся вместе со своей женой Викторией Теннант). У Стива Мартина есть, пожалуй, лишь один недостаток, и он его прекрасно сознает: «Мои шутки, к сожалению, немного опережают время и общественное настроение, а это первый смертный грех для артиста — так, по крайней мере, считают критики. Но если я буду думать о том, поймут меня или нет, — тогда конец. Это верный путь к краху».

П. ВАГИНА

Vugsy

БАГСЫ

США. 1992 г. 2 ч. 15 мин. Реж. Барри Левинсон. В ролях: Уоррен Битти (Бенджамин Багси Сигел), Аннет Биннинг (Вирджиния Хилл), Бен Кингсли (Меир Лански), Джо Мантенья, Харви Кейтел, Эллиот Гулд.

Дело происходит в начале сороковых. Нью-йоркский гангстерский синдикат посылает своего представителя Бенджамина («только не смейте называть меня Багси!») Сигела в Калифорнию, чтобы он изыскал пути внедрения в местный рэкет. Но Багси попадает под обаяние Голливуда и голливудской актриски и проникается идеей создания в пустыне Невада некоего города-рая для желающих истратить денежки, на что и тратит денежки пославших его мафиози. Город он создает — не что иное, как Лас-Вегас, однако и пославшие его гангстеры не оставляют благое для них деяние Багси безнаказанным...

США. 1991 г. 2 ч. 25 мин. Реж. Марк Райделл. В ролях: Бетт Мидлер (Дикси Леонард), Джеймс Каан (Эдди Спаркс), Джордж Сигал, Патрик О'Нил, Кристофер Райделл, Эри Гросс, Норман Фелл и др.

Прототипами главных героев стали реально существовавшие американские певица и комик, которые получили в фильме имена Дикси и Эдди — они партнеры в комедийном шоу. Пара развлекала солдат в течение трех войн — второй мировой, войны в Корее и войны во Вьетнаме. Первая война отняла у героини мужа, третья — сына, а в пятидесятые, вернувшись из Кореи, актеры попали под подозрение Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности...

Перед зрителями предстают двадцать пять нелегких лет американской истории в интерпретации блистательных комедийных актеров Бетт Мидлер и Джеймса Каана.

For the boys

ДЛЯ НАШИХ ПАРНЕЙ

Cape fear

МЫС СТРАХА

США. 1992 г. 2 ч. 7 мин. Реж. Мартин Скорсезе. В ролях: Роберт Де Ниро (Макс Кэди), Ник Нолт (Сэм Бауден), Джессика Ланж, Джульетта Льюис, Джо Дон Бейкер, Грегори Пен.

Психологический триллер, которому критики уже предназначили судьбу «одного из лучших фильмов этого года» (впрочем, сотрудничество Скорсезе и Де Ниро — вспомним знаменитого «Водителя такси» и другие их фильмы — дает основания для таких надежд). Адвокат Сэм Бауден сознательно скрывает данные о провокационном поведении жертвы, чтобы его подзащитный — жестокий насильник Макс Кэди — получил по заслугам. Четырнадцать лет спустя Кэди выходит из тюрьмы и начинает личную вендетту против членов семьи Баудена, стремясь разрушить их мирную жизнь. Его оружие — психологическое давление, создание атмосферы страха, и в роли такого «носителя зла» Де Ниро демонстрирует свои лучшие актерские качества.

США - Канада - Франция. 1992 г. 1 ч. 40 мин. Реж. Брюс Бересфорд. В ролях: Лотэр Блюто (отец Лафорг), Эйден Янг (Дэниел), Сандрина Холт (Аннуна), Огаст Шелленберг (Чомина), Тату Кардинал, Фрэнн Уилсон и др.

Тем, кто любит приключенческие фильмы «про индейцев», эта лента должна доставить истинное удовольствие, потому что и индейцев, и приключений в «Черной рясе» достаточно. Однако на самом деле это глубокая психологическая драма, рассказ о человеке, усомнившемся в собственной вере.

Священник-иезуит пробирается сквозь девственные леса Канады (дело происходит в 1634 году), чтобы принести свет Божий заблудшим душам индейцев-гуронов. Он мечтает о подвиге во имя Господа, он готов принести себя в жертву и ради этого предпринимает опасный путь длиной в полторы тысячи миль. Его сопровождают индейцы из дружественного племени алгонкинов, и этот долгий путь и пережитые вместе с проводниками испытания, во время которых индейцы демонстрируют истинную высоту духа и благородство, заставляют отца Лафорга изменить взгляды на верования «язычников» и на собственную уверенность в правоте иезуитов.

BLANK ROBE

ЧЕРНАЯ РЯСА

ПУТЕШЕСТВЕННИК

VOYAGER

Германия-Франция-США. 1992 г. 2 ч. Реж. Фолькнер Шлендорф.

В ролях: Сэм Шепард (Фабер), Жюли Делли (Сабет), Барбара Сукова.

Главный герой этой ленты — инженер, работавший по заказам ЮНЕСКО по всему белу свету — ни из-за своей работы, ни из-за своего характера не в состоянии к чему-то «прилипнуть»: он — «путешественник» в этой жизни. И вовсе не намерен менять свое состояние.

Во время очередного своего переезда на корабле из Америки во Францию он встречает молодую женщину и под влиянием момента предлагает ей совершить совместное путешествие. Они едут на автомобиле через Францию, Италию и Грецию, и конец их пути становится концом всех прежних представлений героя о себе и о жизни... Это — фильм для тех, кто любит настоящее европейское кино и творчество замечательного писателя Манса Фриша, ибо его произведение «Номо Фабер» и легло в основу фильма.

THE PRINCE OF TIDES

США. 1992 г. 2 ч. 11 мин. Реж. Барбра Стрейзанд. В ролях: Барбра Стрейзанд (Сюзан Лоуэнштейн), Ник Нолт (Тим Уинго), Мелинда Диллон (Саванна), Блит Дэннер (Сэлли), Кейт Неллиган, Джероен Краббе, Джордж Карлин, Джейсон Гулд.

В фильме, поставленном знаменитой певицей и актрисой Барброй Стрейзанд (нстати, в роли сына героини снялся сын самой Стрейзанд Джейсон Гулд), музыки почти что нет — однако в нем присутствует трагичная и щемящая мелодия человеческих отношений... Психиатр Сюзан Лоуэнштейн пытается помочь одной из своих пациенток и вызывает для этого ее брата. И между Томом Уинго и Сюзан (так же, как и он, неудовлетворенной своим браком) возникают отношения более близкие, чем могут быть у врача и пациента.

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПРИЛИВОВ